
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Евгений Скоблов
(г. Москва)

КОМАНДИРОВКА

Наш постоянный автор.

Рабочая неделя только началась. Мужчины лениво перемещаются по кабинету, кто-то включил чайник. Перед работой следует разогреться, перекурить. Обдумать дела насущные, словом, собраться с мыслями. А то они, мысли, как-то разбегаются после выходных. Понедельник и впрямь день тяжелый, но совсем не потому, что предстоит начало каких-нибудь грандиозных дел, или, скажем, шеф решит воплотить в жизнь одну из своих новых идей. Просто тяжело и все.

Офисные телефоны пока молчат, но, где-то ближе к двенадцати, начнется «горячий цех», и наш отдел превратится в потревоженный улей. Ничего не поделаешь, суровые будни управленческой деятельности.

А пока мы, не без легкого раздражения, разглядываем друг друга, нехотя переговариваемся ни о чем.

В отделе нас пятеро. Каждый ведет свое направление, и за девять лет совместной работы мы изучили друг друга даже больше, чем этого требуется для нормальных взаимоотношений. Мы настолько «срослись», что иногда я, например, наперед знаю, что скажет Диван (он же — Дмитрий Иванович Жихлев), и что ему на это ответит Капитан Врунгель (Василий Васильевич Бердяков). Знаю также, что сейчас Матроскин (Саня Стрюков) будет играть на компьютере в карты, внаглую, хотя существует неписанный закон отдела — все игры в личное время после работы. Он дождетя, пока Бодулай (заместитель начальника отдела — Бодунов Николай Ильич) сделает ему замечание, на что он скажет: «У меня творческий перерыв, но если Вы, Ильич, так настаиваете...»

Девять лет вместе просто так не проходят и накладывают свой отпечаток на характеры, повадки, стиль поведения, и даже на внешность сотрудников. За это время климат в коллективе претерпевает существенные изменения, которые можно условно разбить на четыре стадии. По началу он достаточно теплый: все проявляют безграничное уважение и заботу в отношении к товарищам, стремление оказать помощь, а иногда и прикрыть в трудный момент. Для этого периода характерны безобидные шутки, коллективный отдых в выходные, дружба семьями и даже совместные поездки на море.

Потом, как-то исподволь, незаметно, включаются посторонние факторы. Например, на полную катушку начинает свою работу система стимулирования и поощрения отличившихся, а также повышения по службе наиболее старательных работников. В коллективе начинается похолодание, а именно соперничество с элементами тихой ненависти, а также кучкованием мелкими группами в тихих углах и обсуждением насущно важных вопросов типа: «Почему его, а не меня?»

Дальше наступает ледниковый период. Тихая вражда постепенно перерастает в открытое противостояние. Начинаются скандалы, науськивание, конфиденциальные доклады шефу и подставы по мелким (опоздание на работу, критика руководства в курилке) и достаточно серьезным вопросам (подделка подписи шефа на просроченном документе, отчет, направленный в Главк, ни с кем не согласован и т.д.).

И, наконец, когда баталии по окончательному распределению мест и ролей утихают и все устают от ненужных побед, наступает четвертая стадия — прохладный октябрь. Вялое безразличие, увязанное с нескрываемым злорадством в случаях, когда кто-либо из товарищей терпит фиаско (не важно по какому поводу: задержан пьяным милицией и в адрес фирмы пришла телега; вдребезги разбил новую машину; получил строгое взыскание от Большого Босса и много еще по каким поводам). Одна из хороших примет этой стадии: создание очереди среди сотрудников для получения поощрений, подарков и повышений. (Повышения-поощрения, как правило, мелкие и ничего не значащие).

И если раньше (на первой стадии) рабочий день часто оканчивался небольшим застольем, или заходом по пути в кафе, с участием всех, то теперь (на четвертой стадии), все стараются разойтись по возможности незаметно, и желательно каждый — своей дорогой.

Я думаю, что, наверное, нельзя допускать, чтобы люди такое длительное время, образно говоря, варились в одной кастрюле. Куда смотрит руководство? Понятно куда... Руководству «глубоко фиолетово», как относятся сотрудники друг к другу в том или ином отделе. Руководство интересуется качеством и быстротой, с которой выполняются задачи, и оправдывает ли вообще свое существование тот или иной коллектив.

Сегодня все как обычно, и утро очередного понедельника даже радует своей повторяемостью. Что может быть лучше стабильности? Наш босс (начальник отдела и, одновременно, заместитель Большого Босса — генерального директора) в это время на совещании, как раз у Большого Босса, и в ожидании указаний на предстоящую неделю, которые поступят самое раннее к обеду, можно расслабиться, чем мы и занимаемся.

Я копаюсь в бумагах, то есть, раскладываю документы по папкам и ем яблоко. Мыслями я во вчерашнем дне, когда, пытаясь вкрутить лампочку в светильник на кухне, потерял равновесие и загремел со стремянки на кухонный стол, в результате чего половина кофейного сервиза превратилась в черепки, и жена сказала, что от меня в доме одни убытки.

Капитан Врунгель ест кекс, тщательно пережевывая и запивая кофе, Диван шарит в Интернете, наверное, в поисках дешевого садового инвентаря...

Звонит рабочий телефон на столе у Бодулая, но никто не подходит. Бодулай курит на лестнице, остальные отлично знают аксиому: «Возьмешь руками, пойдешь ногами». Но телефон все трезвонит, и первым не выдерживает самый молодой (и потому, самый глупый) Матроскин. Сотрудники, глядя, как он подходит к столу замначотдела и тянется к трубке, ехидно улыбаются.

— А чего вы? Может ему хотят сообщить, что квартиру заливают сверху! Или угнали машину. Алло, Стрюков у телефона!

Ленивое выражение лица становится сначала озабоченным, потом решительно-подобострастным: вас понял, сейчас передам, Станислав Иванович, да-да, Станислав Иванович, конечно, Станислав Иванович...

Все понятно, неожиданный звонок босса не предвещает ничего хорошего, особенно, когда его совсем не ждешь. В этот момент Бодулай вернулся с перекура:

— Черт-те что! — возмущается он, — Оказывается, вчера наши не выиграла, а проиграли...

— Шеф, вас вызывает Босс, и он очень недоволен, — весело докладывает ему Стрюков.

— А чего ты улыбаешься, Матроскин, — подает голос Диван, — Ильич, объяви ему выговор!

Бодунов поправляет галстук, берет рабочий блокнот, две ручки и со словами: «Запомните меня веселым», покидает кабинет.

Что-то быстро закончилось совещание у Большого, раз наш начальник вызвал зама, наверное, какой-то срочник. Может — очередная реорганизация и наш отдел сократят? А может, принято решение о разработке нового усовершенствования, и это ответственное задание поручат нашему отделу? В любом случае неожиданный вызов Бодулая означает внеплановую работу, а куда еще внеплановую, если плановой завалишь! Одних планов двадцать пять тысяч штук, а когда их выполнять... Все это мы обсуждаем, покуривая на лестнице, пока не появляется уборщица по имени Жанна, с ведром и шваброй («Ну-ка, живо, все отседова, брысь»).

— Итак, господа чиновники, — Бодулай раскрывает свой блокнот, — нас, а точнее вас, ждет пренеприятное известие, а именно, организуется срочная командировка в составе комиссии от управления, и от нашего отдела один представитель, йо-хо-хо!

— А почему это, «вас», а не «нас»? — подозрительно прищурившись, спрашивает Капитан Врунгель, — или вы уже полетели прямо на солнце и решили оторваться от коллектива, уважаемый замнач?

— А потому, дражайший Василь Василевич, что наш дорогой босс оставляет меня при себе в любом случае, что, собственно, автоматически исключает меня из претендентов на романтическое путешествие. Или вы хотите оспорить решение Станислав-Иваныча?

— А ну, не чипай батька! — вставляет свои пять копеек Диван, — нехай начальство охраняет. М-да...

— Значит, мужики, — продолжает Бодунов, — командировочка на две, а может, и на три недели, возможно с проверкой. Куда — это вопрос, пока не сказали. И состав, а самое главное, председатель комиссии еще не определены. Но сегодня к обеду надо подать нашего человека для подготовки проекта приказа. Вот, значит, Станислав Иваныч и предложил нам самим решить, кто поедет...

— Что-то на него не похоже, — задумчиво щелкая авторучкой, говорит Капитан Врунгель, — к чему бы это? Уж не связана ли командировка с какой-нибудь бякой? А, Бодулай? Давай, колись на коллективе, знаешь ведь что к чему! Чего это босс, вдруг, стал демократом?

— Вася, не делайте предположений, — с одесским выговором замечает Диван, — раз надо, значит-таки надо...

— Во-во! — соглашается Бодулай, — правильно, Дмитрий. Правильно понимаешь политику партии. Босс всегда прав, а потому давайте решать, кто возьмет на себя трудную, но очень почетную миссию представлять наш отдел в комиссии...

— Предлагаю жребий, потянем спички, — пищит из своего угла Матроскин, — это будет справедливо...

— Подожди, Стрюков, со спичками... Может кто-нибудь сам желает, а у кого-то, может, обстоятельства. Вот ты, например, не желаешь поработать на благо отдела, с выездом? — Бодулай смотрит на него в упор, и все присоединяются. Матроскин сначала ежится под колючими, исподлобья, взглядами сотрудников. Потом как-то неопределенно: «Дык я того, ничего, собственно, так вот...» Пауза. Вопрос завис, и слышно, как поскрипывает перо чернильной ручки Дивана, он раскрашивает профиль Станислава Ивановича, который набросал в рабочей тетради на прошлом совещании.

Вообще-то у нас штатный командировочный — Капитан Врунгель. Любит он это дело, новые знакомые, новые встречи, маленькие командировочные приключения, о которых можно потом рассказать товарищам. К тому же есть и прямая выгода: пока он там якобы «вкальвает на выезде», здесь его работу сделает кто-нибудь другой (часто этот другой — я), особенно, когда надо готовить срочный документ и сроки поджимают.

Но в последнее время он стал ездить по командировкам избирательно. Я бы сказал, уж очень избирательно. И даже выработал определенные критерии, по которым он поедет, либо попытается отвертеться от очередной командировки.

Во-первых — пункт назначения: Санкт-Петербург — да, Калининград — да, Сочи — да, Ростов-на-Дону — обязательно (там у него родственники). Тамбов — нет, Егорьевск — нет, Тула-Воскресенск-Йошкар-Ола — нет, нет и нет! Во-вторых — мера ответственности. Чем выше ответственность за результаты работы в командировке, тем меньше вероятности, что Капитан Врунгель там окажется. Он согласен, если надо будет по итогам поездки составить простой отчет, в крайнем случае, акт с подписями всех членов комиссии. Однако, если вдруг придется лично составлять подробный доклад с выводами и предположениями за своей подписью, то уж извините, дорогие товарищи, это без меня. В-третьих — очень тщательно изучаются разные житейско-сервисные условия: проживание, питание, оплата проезда, командировочные расходы, поезд-автобус-самолет. Если поезд, то с кем в купе... Кроме того, хорошо бы (и даже желательно), чтобы в составе рабочей группы были женщины (из других отделов, министерств, ведомств, неважно). И все в таком духе.

Вот поэтому Василий и прощупывает почву, задает всякие вопросы, потому что отлично понимает, что рано или поздно кто-нибудь из нас предложит ему съездить, как закаленному бойцу дальних странствий. А ехать незнамо куда и незнамо зачем — дудки, пусть, вон, Матроскин едет.

— Ну, так как? — Бодулай вытаскивает сигарету и нюхает ее, — я жду ответа на поставленный мною вопрос.

Имеется в виду не только Стрюков, вопрос задан всем нам, и Бодулай хочет услышать конкретные предложения.

Первым голос подает Диван.

— Шеф, я бы поехал, — говорит он, и кажется, что говорит искренне, но это только кажется, потому что он уже придумал причину, по которой никак не может поехать, — ты же меня знаешь... Но, у меня на 12-е число запись на углубленное медицинское обследование — по большому кругу, от офтальмолога до уролога, всех надо пройти. Я три месяца ждал в очереди, и теперь что, из-за командировки пропустить? Никак нельзя. Если что, я и справку могу показать. Завтра.

Взор его чист и кроток, как у пастушка. Отмаз приличный, и то, что углубленное обследование можно пройти и после командировки (нужно только договориться с лечащим врачом) во внимание пока не принимается. Ждем, что скажет следующий. Следующий — Капитан Врунгель, он уже всем видом показывает, что сейчас будет говорить, в таком деле инициативу упускать нельзя, во всяком случае, нельзя быть последним.

— Мужики,— говорит он ровным голосом, монотонно, с металлическими нотками, он так обычно разговаривает с подчиненными организациями по телефону,— если по большому счету, то я уже устал от командировок. Вы же знаете, что только за этот год у меня больше семидесяти суток командировочных, никто в управлении больше меня не ездит. Так что я — пас. И потом, не забывайте, что с седьмого по четырнадцатое я участвую в конференции, с выступлением. Опять же, я туда не напрашивался. У меня тут делов — ВО!

Молодец, браво, Капитан Врунгель. Насчет того, что много командировок, это, конечно, правильно (надо еще только посмотреть, что это были за командировки, и куда), а вот насчет конференции — это отличный ход. Международная конференция (обмен мнениями и опытом по самому широкому кругу вопросов: организации совместной работы в различных областях производства и распределения, и прочая ерунда) проводится на подмосковной ведомственной базе отдыха. Расходы по размещению, питанию и обслуживанию участников берет на себя организационный комитет конференции. Участвуют ребята из ближнего и дальнего зарубежья, улучшенное питание, культурная программа и все такое прочее.

И то, что он туда не напрашивался — чистая правда, только вот, в телеграмме, которая пришла из Главка на управление, а потом и поступила в отдел, почему-то была прописана конкретно его, Врунгеля, фамилия и инициалы — Бердяков В.В., и еще, что он выступает на конференции с обзором (текст обзора прилагался).

— А что нам скажет товарищ Стрюков? — Бодулай, еще раз понюхав сигарету, аккуратно укладывает ее в пачку.

— А я ничего не скажу, кроме того, что у меня начинается сессия, с завтрашнего дня — четыре экзамена и шесть зачетов. Вы же сами, Николай Ильич, мне подписали заявление, с условием, что до обеда я на сессии, после обеда — работаю в отделе...

Матроскин у нас студент-заочник, будущий видный экономист, а ныне слушатель Новой Всеобщей Экономической Академии имени... имени кого-то там (частная лавочка по производству дипломированных специалистов-недоучек). Два года назад Матроскин, подготовив пачку рекомендаций за подписью уважаемых и известных людей, пролез туда без мыла. Мало того, он сумел провернуться так, что, как малоимущий, был зачислен на отделение бесплатного обучения. Теперь, кроме планового летнего отпуска, у него было два учебных, весной и осенью.

Правда, Бодулаю надоели бесконечные жалобы Дивана, который в отсутствие Матроскина был вынужден тянуть его участок работы, и в этот раз он поставил условие: либо Матроскин проходит свое обучение без отрыва от основной работы, либо пусть ищет себе другое место.

Однако, сессия есть сессия. Неявка на экзамен равносильна отчислению, никакие оправдательные аргументы не принимаются, так же как официальные письма, запросы и справки. Посему Матроскин, он же Александр Стрюков, автоматически исключается из возможных кандидатов на поездку в командировку.

Все посмотрели на меня. Бодулай снова вынул из пачки сигарету и стал ее усердно нюхать. Капитан Врунгель прикрыл ладонью глаза, чтобы спрятать издевательскую улыбочку. Диван сидит напротив меня и рисует очередной профиль в рабочей тетради, на этот раз кого-то с большими ушами. Разглядеть, как следует, я не успеваю, надо отвечать.

— У меня, братья мои,— начинаю я,— нет особых причин, чтобы не ехать в эту командировку. Просто мне, как и всем вам, не хочется ехать в эту командировку. Я, конечно, могу перечислить все срочные документы, которые мне необходимо было подготовить еще вчера. А так же рассказать о четырех запланированных встречах, которые откладывать было бы очень нежелательно, но, в принципе, возможно... Я

также не буду загружать вас парочкой серьезных задач, которые нарезал мне лично Станислав Иванович. Я думаю, что вы, Николай Ильич, должны, невзирая на доводы уважаемых коллег, взять и волевым решением назначить достойнейшего товарища для выполнения этого ответственного задания. Хау, я все сказал.

Раздался звонок, теперь уже на мобильном Бодулая. Скорее всего, звонит босс, узнать, что решила стая. Так и есть.

— Да, Станислав Иванович. Нет, Станислав Иванович... Конечно, Станислав Иванович! Проблем нет, Станислав Иванович... Что? Загранпаспорта? Не знаю пока... Сейчас уточню.— Бодулай прикрывает ладонью телефон и с широко раскрытыми глазами громким шепотом спрашивает: — У кого есть загранпаспорт, ну, быстрее!

Диван и Капитан Врунгель переглядываются, затем утвердительно кивают. Матроскин, как школьник-отличник, тянет руку. Загранпаспорта есть у всех, кроме меня. Мой — в стадии оформления.

— Станислав Иванович,— продолжает доклад Бодулай,— заграничные паспорта есть у Жихлева, Бердякова и Стрюкова. И у меня, конечно же, а что... Да-да, жду.

— Не понял,— говорит он, когда отключает телефон,— загранпаспорта зачем-то понадобились... Сказал, всем быть на месте, через пятнадцать минут перезвонит.

В отделе оживление, перемена в настроениях, в глазах и лицах товарищей. Все идут на перекур.

— Это как-то связано с командировкой,— говорит Капитан Врунгель,— это же очевидно. А иначе зачем уточнять, у кого есть паспорта?

— Да, ослу понятно, на самом деле,— соглашается Диван,— раз командировка срочная, значит, нет времени на оформление, потому и уточняют, чтобы не было проблем. Ильич, по-моему, ты что-то темнишь! Сказывай, куда командировка. Я, в принципе, могу и перенести обследование.

— Ишь, какой быстрый! — со злой ухмылкой перебивает его Капитан Врунгель,— отложить обследование! Нет уж, уважаемый, обследование так обследование. Ильич, не слушай его, ибо ехать, по всему, должен я. Во-первых, у меня опыта больше, я, как вы знаете, уж поездил по командировкам — будь здоров, и знаю, что к чему. Во-вторых, я могу выступить по любому вопросу, касаемо деятельности отдела, и самое главное, в целом знаю английский. Со словарем. И вообще, Ильич, тут и думать нечего! Кроме меня и послать-то некого: у Стрюкова сессия, да и молодой ишо, по границам ездить, Серебряков — без паспорта, и работы у него невпроворот, а Дивана — вместо меня на конференцию, это вполне совместимо с обследованием, и — хоп! Задача выполнена...

В принципе, на Капитана Врунгеля это похоже, он всегда предлагает начальству самые лучшие варианты решения проблемных вопросов. При этом, как правило, его личные интересы соблюдаются и удовлетворяются максимально возможным образом. Всегда.

— Я вот что подумал,— Бодулай морщит лоб и прикуривает следующую сигарету от предыдущей,— наверное, все же, в эту командировку придется ехать мне... Думаю, что цена вопроса слишком высока, чтобы посылать рядового сотрудника, даже такого опытного и делового специалиста, как ты, Василий Васильевич. Это с одной стороны. С другой (лицо Бодулая становится непроницаемым, глаза превращаются в узкие щелки), у тебя, Василий, не всегда и не все в порядке с, как это получше сказать... моральным, что-ли, обликом в командировках... Да-да, и не смотри на меня так. Не думай, что о том, о чем ты тут нам рассказываешь после возвращения из своих поездок, не знают наверху. А я тебя раньше неоднократно предупреждал, но ведь тебе море по колено: то на поезд опоздаешь, и потом на машине нагоняешь, то про-

падаешь на два-три дня, и тебя найти не могут, то с алкоголем перебор. Одна только жалоба из гостиницы «Спорт» чего стоит... И хватит на меня волком тут смотреть! Я тебе как старший товарищ говорю. Ладно, пошли, сейчас звонить будет.

Мы возвращаемся в кабинет, каждый усаживается за свое рабочее место, но никто, естественно, ничего не делает — рабочий день окончен. По крайней мере, до выяснения всех обстоятельств, связанных с командировкой.

— А что, Ильич,— подает голос Диван из-за монитора,— давай, если босс тебя все-таки не отпустит, то я готов. А обследование перенесем ради такого дела. Я еще за границей ни разу не был.

— Ты и в командировках за последние пять лет ни разу не был, и что с того! — язвительно замечает Врунгель,— сидишь, только по телефону работаешь, а как шесть часиков простучало, так ты первый за портфель и на хауз, мол, извините, друзья, у меня рабочий день закончен... И плевать тебе на то, что товарищи сидят... глаза портят, спины гнут!

— Тихо, тихо, Василий, ишь, разошелся! — Бодулай нахмурился.— Иди-ка лучше в буфет прогуляйся, купи-ка всем водички с пузырьками, что-то пить захотелось. Можешь пивка дернуть, а то у тебя вид после выходных не очень свежий.

— У нас сегодня дежурный — Стрюков,— отрезает Капитан Врунгель,— пусть он идет. А вид у меня очень даже подходящий, просто ночь не спал, думал, как бы лучше организовать работу в отделе.

— Вас послушать, Василий Васильевич, так я всегда — дежурный,— недовольно возражает Матроскин,— меня только никто не спросил. А может меня, как самого молодого, и, наверное, самого талантливого сотрудника, и следует послать в эту командировку?

На откровенную наглость Матроскина сначала никто не обращает внимания.

— А как же твоя сессия, зачеты-экзамены, как с этим быть? — спрашиваю я.

Наконец до всех дошло, о чем речь, но Стрюков игнорирует косые взгляды товарищей.

— Этот вопрос я решу, будьте спокойны, уважаемый Александр Евгеньевич.— Матроскин самодовольно развалился на стуле, закинул ногу на ногу, и добавил: — У меня все схвачено. Есть, в общем-то, варианты. Нет, это, конечно, только в том случае, если Николая Ильича не пустят за границу.

Он с явным удовольствием сказал слова «не пустят за границу», почти нараспев.

Диван презрительно смотрит на Матроскина, и сквозь зубы цедит: «пригрели змею...»

— А я давно знал, что Стрюков — проходимец! — картинно вскакивает со своего места Капитан Врунгель,— это ж надо, «все у него схвачено»! Ильич, накажи его, кайло ему в руки и — в забой! Пусть сессию сдает утром, а вечером, плавно переходящим в ночь, графики делает, архив приводит в порядок, хватит ему одной только перепиской заниматься...

В общем-то, это, конечно, игра, потому что все давно знают уловки и приемы, которые периодически использует Матроскин в своей практике для решения личных вопросов. Как правило, подкопаться невозможно, потому что у Матроскина всегда есть на все ответ и документальное подтверждение. Например, во время прошлой сессии он до зарезу понадобился боссу. Мы его не смогли найти ни дома, ни в Академии. Мобильный был вне доступа... Зато когда выяснилось, что Матроскин на неделю уезжал в Анапу, то он представил справку из Академии о том, что, как лучший слушатель, сдавший сессию на «отлично» (он также представил ксерокопии экзаменационных ведомостей по каждому предмету, и заверенную копию зачетной книжки), был поощрен льготной путевкой на море.

Поэтому Бодулай и пропустил все это мимо ушей. Сейчас у него много забот, я делаю такой вывод, глядя, как он морщит лоб, и с шумом выпускает воздух из легких. Потом, видимо, приняв какое-то решение, он встает, потягивается, прохаживается по кабинету, поигрывая связкой ключей, тихонько напевает: «Скажите, почему нас с вами разлучили...».

Снова трендит его мобильник, и все смотрят на Бодулая. Он прочистил горло и представился:

— Бодунов, слушаю вас. Нет, Ирунчик, не звонил пока, дел — невпроворот. И, наверное, командировка мне светит. Да, конечно нет! Пока не знаю, сейчас жду звонка от начальника. Да. Да. Да. Да выбрось ты их на мусорку, наконец! Все. Целую... да, перезвоню.

— Вот,— говорит он нам, когда заканчивает разговор с женой,— домой позвонить некогда, что за работа такая! И еще вы со своими выкрутасами... то еду, то не еду... Значит так. За меня остается Серебряков. Остальным подготовить личные планы и представить мне на утверждение к четырнадцати часам. Нечего балду бить, обследование, сессия, понимаешь, конференция. Приеду, спрошу с каждого, что сделано, со всей строгостью, по закону гор. Не дай Бог, кто-то мне не отчитается. А ты, Александр...

Он не успевает закончить свою мысль, звонит его рабочий телефон.

— Да, Станислав Иванович,— сразу говорит он в трубку, потом умолкает, затем как-то полудивленно оглядывает нас — каждого по очереди.

— Да, конечно, Станислав Иванович, как прикажете, Станислав Иванович. Стрюков? Да, на месте. А? Да, справится, конечно! Сейчас прислать? Есть, понял.

Матроскин, укладывая в папку рабочую тетрадь и кое-какие бумаги (для солидности), напряжен и едва сдерживает выражение глубокого удовлетворения на лице, всем понятно, что в командировку поедет он. Это понятно из разговора, так же как и то, что босс назначил его лично.

— Ничего не понимаю,— с каким-то странным выражением лица произносит Бодулай,— давай, Саша, двигай в кабинет к Станиславу Ивановичу на инструктаж, там тебе все скажут.

Матроскин смотрится в зеркало, причесывается, поправляет галстук. Достает из ящика стола импортную туалетную воду, слегка себя опрыскивает и убегает. Через минуту возвращается — забыл заграничный паспорт в сейфе, вдруг сразу понадобится. Помахав всем ручкой, он опять выпархивает из кабинета.

Бодулай, почесав затылок, громко объявляет очередной перекур. Я и Капитан Врунгель с готовностью встаем с рабочих мест, Диван продолжает что-то изучать на экране своего монитора.

— Дмитрий Иванович, душа моя,— говорит ему Бодулай почти ласково,— приглашаю Вас лично перекурить, сотоварищи... Должны уже привыкнуть к тому, что если начальник приглашает на перекур, то ему есть-таки что сказать ...

— Повезло Матроскину,— выпуская облако дыма, мечтательно произносит Капитан Врунгель,— как всегда, везет дуракам и пьяным...

— Матроскин не дурак, и уж тем более не пьяный... иначе босс не назначил бы его лично,— резюмирует Дмитрий Иванович,— так что ты хотел нам сказать, Ильич?

— Я хотел сказать, что зря он с собой заграничный паспорт взял,— Бодулай смотрит в пол,— ибо командировка наш дорогой товарищ Стрюков в солнечный город Тюмень, там можно обойтись и простым общегражданским паспортом!

Самое странное, что никто не смеется. Хотя улыбки, медленно растягивающиеся на наших лицах, сливаются в одну большую улыбку, которая грозит оглушительно

лопнуть и разлететься на мириады больших и маленьких смешинок. Но лица остаются непроницаемыми, и виртуальная улыбка скукоживается и обвисает, как воздушный шарик, из которого спустили воздух. Потом отсмеемся, сейчас нельзя, не тот кайф. Это надо обсудить за бутылочкой пива, смакуя каждую деталь и вспоминая мельчайшие подробности дела. А пока необходимо сохранить сдержанно-деловую серьезность и, возможно, посочувствовать товарищу, когда он вернется в кабинет.

Тишина. Бодулай наслаждается эффектом, который произвело его сообщение. И, не давая нам опомниться, он продолжает:

— Командировка не на три недели, а на три месяца. Задание — по профилю направления, которое ведет Матроскин. А точнее, он должен поработать на нашем новом предприятии с сотрудниками, провести курс обучения и наладить работу.

Первым реагирует Диван.

— А как же его сессия, экзамены, зачеты... и все такое...

— Проблемы негров шерифа не волнуют, — с явным удовольствием отмечает Капитан Врунгель. И добавляет. — У него же «все схвачено», он сам сказал. А что ему, напишет бумагу за подписью Самого, и сдаст свою сессию потом, в перерывах между боями. Слушай, Ильич, а при чем тут тогда заграничные паспорта?

— Не знаю, это, видимо, из другой оперы, и к нашему делу они отношения не имеют.

Все аккуратно тушат сигареты и деловито возвращаются на рабочие места. Все же рабочий день давно начался, и у каждого из нас очень много дел.

Ольга Малыгина
(г. Тула)

Окончила историко-филологический факультет Тульского государственного педагогического института им. Л. Н. Толстого. Публиковалась в различных литературно-художественном альманахах. Лауреат литературных конкурсов. Награждена Почетной грамотой Министерства культуры РФ «За заслуги в культуре». Автор сборника стихов и рассказов «Помню все».

АЛКИНО ЧУДО

Посвящается моей маме

Небольшая деревянная иконка висит на восточной стене моей комнаты. На ней изображен пожилой человек: аккуратная борода, усы, на голове корона или богатая шапка, скорее, «митра». От взгляда его карих внимательных глаз трудно укрыться, кажется, что они везде следят за тобой. От них веет теплом, спокойствием и глубоким ощущением присутствия: «Я здесь! Я с тобой! Ничего не бойся!» — говорит этот взгляд.

Это маленькое изображение мудрости давно сопровождает меня по жизни. И каждый раз, проходя мимо него, я останавливаюсь и замираю на мгновение, вглядываясь в спокойное умиротворенное лицо. Вот и сейчас эти карие глаза спросили: «А ты помнишь?..»

Шел третий год Великой Отечественной войны. (Хотя тогда она так не называлась...)

Тысячи беженцев перемещались по территории нашей Родины на восток. Каждый из них тащил с собой самое ценное. Для человека самое дорогое — это дети. Детей, женщин, заводы и фабрики страна эвакуировала на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток.

Совсем незнакомые люди делились с ними, кто чем мог, как говорили, «чем Бог послал». Помощь ближнему — неотъемлемая черта характера русского народа. Война сблизила людей разных национальностей и вероисповеданий...

В маленьком сибирском городке зима прочно укоренялась. Она по-хозяйски насыпала все пушистым снегом, сковала берега и речные отмели льдом, украсила деревья серебристым инеем, пугала жителей вьюгами, метелями и первыми морозцами. Но для детей зима — любимое время года, им не страшны никакие морозы...

Трель последнего звонка смешалась с криками выбегающих школьников. Школа быстро опустела.

Маленькая голубоглазая девчонка в лохматой шапке, стареньком пальто и потертых валенках вприпрыжку бежит к ледяной горке. Это был длинный склон к реке,

на котором детвора каталась всю зиму. Сегодня Алка, так ее звали, наконец-то, получила четверку. Теперь-то она вдоволь накатается на санках по свежему снегу. Еще издалека она увидела Гришку и Сашку, которые, пыхтя, разворачивали большие сани. Мальчишки, не заметив Алку, стали усаживаться. Быстрым движением, отбросив на снег холщевую сумку, которая заменяла ей портфель, девчонка стала толкать их, вскочив на полозья, они с хохотом стремительно покатались вниз. Как здорово, ощущать скорость, когда ветер обжигает щеки и из глаз катятся слезы, а ты летишь, как ракета, и кажется, что сердце вот — вот выскочит наружу!

Так вместе ребята катались с горы, не обращая внимания на крепчающий мороз и пронизывающий ветер. Наступили сумерки, и они, усталые, но довольные, отправились домой.

Рано утром Вера, мама Алки, собиралась на работу. Как обычно, она начала будить дочку, но та никак не просыпалась, бормотала что-то в бреду. Было ясно, у нее высокая температура. Нужно вызывать фельдшера, поэтому Вера побежала в больницу, а когда вернулась, то увидела, что ноги у девочки распухли и были все красные, как огонь.

Молодая докторша, осмотрев больную, назначила лечение от простуды. Прошло несколько дней, но ни лекарства, ни компрессы, ничего не помогало. Алла угасала на глазах. Она не могла ходить, почти ничего не ела, плохо спала. Вера не знала, что делать, вся в слезах пошла к подруге Зине за советом. У нее была знакомая тетка, которая лечила народными средствами и молитвами. Зинаида рассказала, что тетя Паня живет при церкви, потеряв в Подмосковье всю семью: муж погиб на фронте, сын пропал без вести, дом сгорел. Она приехала сюда в санитарном поезде, ухаживает за ранеными в госпитале, который при церкви, живет в маленькой комнатике. Ее бабушка была известной целительницей, которая спасла многих больных.

Маленькая Паня с детства помогала ей собирать травы, варить отвары и запоминала молитвы, которые читала старушка. Вот теперь, когда у нее никого не осталось из родных и близких, она обрела смысл жизни, помогает больным и раненым людям. Подруги отравились в церковь, где можно было ее найти.

Вера давно не была в церкви, но с детства знала несколько молитв, и поэтому, войдя, начала креститься и просить Бога о спасении дочери. Вдруг сзади к ней подошла женщина, одетая очень скромно. Тяжелым взглядом она посмотрела на Веру и сказала:

— Я помогу вашей дочке, но ее надо окрестить, ведь она у вас не крещенная.

На следующий день, рано утром, Аллу повезли на санках в церковь. Девчонка, как тряпичная кукла, завернутая в одеяло, равнодушно покачивалась из стороны в сторону. Ей уже не верилось, что она снова будет ходить.

Алка не помнила, как шел обряд крещения, но когда баба Паня держала ее за руку, почувствовала тепло, исходящее от этого человека. Батюшка надел ей на шею маленький деревянный крестик на веревочке, три раза окропил святой водой и громко произнес:

— Крещается Раба Божья Галина.

Чуть позже девочка лежала в крохотной комнатке, где жила Степанида, так важно называли тетю Паню в церкви. Теперь осмотрела больную и сказала:

— Не надо ей ноги парить, у нее — рожа. Сейчас привяжем красную тряпку с мелом и будем молить о спасении Рабы Божьей Галины.

Вера опустила глаза и тихо произнесла:

— Спасибо вам, только у нас нет иконы, чтобы молиться.

Женщина улыбнулась:

— Что ж, теперь я крестная, подарю ей икону Святителя Николая, пусть он охраняет и покровительствует ей.

Степанида бережно взяла с полочки над кроватью маленькую иконку и протянула ее девочке, которая внимательно смотрела на светлый лик.

— А почему вы назвали меня Галиной, ведь я — Алка?

— Уж больно ты шустрая, будешь в крещении Галиной, ведь Галина — это означает тишина и кротость, которой тебе не хватает.

Через несколько дней девочка выздоровела, она верила, что помог ей добрый Николай Чудотворец и крестная Степанида.

Прошли годы. Когда Алла получала паспорт, то стала Галиной. До конца своих дней она помнила чудо с ее выздоровлением, поэтому всегда молилась Святому Николаю, а иконка, подаренная ей крестной матерью, теперь охраняет от болезней и бед ее детей и внуков.

АТЕИСТКА

Посвящается моей прабабушке

До шести лет я никогда не видела икон, да честно говоря, ничего не знала и о Боге. Жила с дедушкой и бабушкой и любила единственный христианский праздник — Пасху. Бабушка Вера всегда пекла куличи, а я крутилась рядом и помогала украшать их.

Но однажды к нам в гости приехала моя прабабушка — Анна Матвеевна, так важно называл ее дедушка. Она была небольшого роста, худощавая, но голову держала гордо, чувствовалось, что она любит командовать и руководить всеми. Прожила Матвеевна длинную и трудную жизнь: две страшные войны унесли трех сыновей, муж Григорий умер еще в молодости, и ей пришлось тянуть одиннадцать детей. Почти всю жизнь Матвеевна провела в Полтавской области у старшего сына Петра.

Я встретила прабабушку настороженно, хотя нравилось, что она разговаривала со мной как со взрослой. Потом я полюбила сидеть рядом с ней и слушать ее воспоминания о прожитых днях. Когда она рассказывала о прадедушке Григории, о своих детях, ее морщинистое лицо оживало, а глаза светились добрым светом. Прабабушка сразу же по приезду достала из старого потертого чемодана три иконки и сказала: «Живете без Бога, а так нельзя». Вечером дедушка повесил иконы в углу комнаты, но было видно, что ему это не нравится. Я внимательно смотрела на иконы, и мне казалось, что святые, изображенные на них, следят за мной строгим взглядом. Прабабушка начала молиться, читая «Отче наш» и другие молитвы из толстой потрепанной книги, которая называлась «Библия». Я сидела, не шелохнувшись, и тихий монотонный шепот, обращенный к Богу, успокаивал меня. Когда бабушка закончила, я попросила ее:

— Расскажи мне про эти иконы.

Она вздохнула:

— Эх! Ты, егоза, ведь вся в деда Федю — атеистка.

— А что такое атеистка? — спросила я.

— Это человек, не верующий в Бога, но ты хоть крещеная, а крест не носишь, молитв не знаешь, да и иконы первый раз видишь. Вот это — Иисус Христос, наш Бог, а это — Богородица — его мать, а рядом Святой Николай Угодник. Вот научу тебя молиться, чтобы Господь помогал тебе в жизни.

— Бабушка, как же Боженька поможет мне, когда он высоко на небе, а я на земле?

— Не веришь, а я расскажу тебе один случай из жизни, который был с моим сы-

ном Сашей,— начала рассказывать Матвеевна.— Когда ему было семнадцать лет, он работал на металлургическом заводе в городе. По вечерам учился на рабфаке, поддерживал большевиков и собирался вступить в партию коммунистов. Летом приехал ко мне в деревню подремонтировать крышу. А времена были не спокойные: в городе у власти — красные, а в деревнях появлялись анархисты. И надо же было этому случиться, что к вечеру приехали на бричках эти самые анархисты. Схватили председателя и еще нескольких человек, кто был у власти. Начали по домам ходить, забирать скот и продукты. Я уговаривала Сашку спрятаться на сеновале или в подвале, но он отказался. Молодой был, горячий, говорит: «Не позволю родной дом грабить». Сцепился в драке с одним из анархистов, но тому на помощь подскочили еще несколько человек. Сашку избили, связали руки, бросили в бричку. Я начала плакать, подбежала к бричке, обняла сына и надела ему на шею маленькую иконку Богородицы. Ведь кроме Бога не к кому мне было обратиться. Всю ночь я в слезах стояла на коленях перед образами и молила о спасении сына. На рассвете, как только запели петухи, я услышала тихий стук. Выглянула в окно и не поверила: на пороге в одном нижнем белье стоял мой Сашка. Он был бледный, как полотно, глаза печальные, за одну ночь он стал намного старше. Когда через час он пришел в себя, то рассказал мне, как убежал от анархистов.

На рассвете собрали всех наших, посадили в бричку и повезли в лес. Председатель, сидевший рядом с Сашкой, шепнул ему: « На поле рванем россыпью, авось, кто выживет». Парень побледнел, поняв, что их везут на расстрел, кому охота умирать в семнадцать лет. По краям брички сидели четыре вооруженных бандита, двое из них дремали, покачиваясь из стороны в сторону. Сашка решил, что надо рискнуть. Он почувствовал в груди что-то холодное и вспомнил о материнской иконке. В детстве он знал несколько молитв, но сейчас все вылетело из головы, поэтому он мысленно обратился к Богу и прошептал: «Боже, помоги мне! Спаси и сохрани раба Божьего Александра!» Начало светать, и бричка подъехала к полю, засеянному пшеницей, скоро должен быть крутой поворот. Председатель толкнул его в бок, и Саша понял, что надо прыгать. Дальше все произошло как во сне, он слышал крики, стрельбу, ржание лошадей, свист пуль. Но он катился вниз, в овраг, который находился у края поля, потом маленький пруд и огороды. Не веря, что еще живой. Немного отдышавшись, Сашка огородами пробрался к своей хате, где его встретила заплаканная мать,— закончила свой рассказ бабушка. Затем погладила меня по голове и сказала: — Ведь это Господь спас его.

— А что же потом было с Сашкой? — спросила я.

— Через день анархисты сбежали. Тех, кого расстреляли, похоронили. В живых осталось только двое — Сашка и председатель, который был ранен в плечо. Теперь сын мой Александр Григорьевич живет в Харькове, большой начальник, коммунист, но в душе верит в Бога.— Бабушка замолчала, и лишь слеза блестела на ее щеке.

На следующий день я выучила несколько небольших молитв. Наблюдая за мной, прабабушка очень радовалась, что я так быстро учусь.

Через несколько дней я читала отрывки из Библии.

В одно из воскресений дедушка услышал, как я читала молитву, кланялась и крестилась перед иконами.

— Что ты, старая, с ума сошла, научила ребенка молиться?! Девчонке идти в первый класс, а она вместо «Букваря» читает Библию. Я — коммунист, не позволю, чтобы в моем доме церковь устраивали,— закричал он.

Анна Матвеевна гордо подняла голову, и сказала:

— Хорошая у тебя, Федька, внучка, добрая, любознательная, хоть и егоза. А я

специально ее не учила, она сама к Богу потянулась. Не нравится тебе, что я приехала к вам, так уеду назад к Петру, он мне молиться не запрещает, да и умирать мне надо рядом с мужем, Григорием.

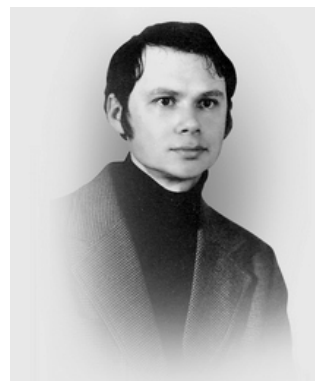
Весь вечер бабушка Вера плакала и уговаривала свою мать остаться. Но прабабушка Анна вздохнула и сказала: «Вот вырастила вас всех, а на старости лет не к кому притулиться. Я понимаю, у каждого своя семья. Поеду назад в домой, мне там лучше, все родное и близкое».

А потом мы провожали прабабушку Анну Матвеевну. Она аккуратно сложила в чемодан свои иконы, и в комнате стало совсем пусто. Затем позвала меня к себе и сказала: «Если будет в жизни тебе тяжело, всегда обращайся к Богу, молись, проси прощения и Господь услышит тебя!»

Этот ее наказ помогает мне в жизни, а молитвы, которые мы учили с прабабушкой Анной Матвеевной, я помню до сих пор.

Игорь Егоров
(г. Омск)

Родился в 1951 г. в Омске. Окончил Омский политехнический институт, Международную академию менеджмента. Автор ряда книг стихов, прозы, переводов с английского. Дипломант областного литературного конкурса Министерства культуры и Союза российских писателей «Лучший рассказ XXI века». Член Союза российских писателей. Главный редактор альманаха «Тарские ворота» и журнала «Иртыш-Омь».

НЕСКУДЕЮЩАЯ СИЛА

Дедок с хитроватыми глазами, беспрестанно шмыгая, как ребенок, крупным мясистым носом, толкнул дверь. Женька посмотрел в проем и ему стало не по себе: вот так «общежитие»! Сырая барачная комната с рядами коек как в казарме! Стены потрескались и облупились до дранки, внизу: то ли дыры, то ли норы! Двое Саш за Женькой хмыкнули и совершенно привычно, со смешками, ввалились в комнату, отстранив дедка. Чрезмерная их простота и разудалость раздражали Женьку. Только что познакомившись, они уже называли Женьку «Женчиком», явно посмеиваясь над его интеллигентностью и сосредоточенностью.

— Женчик! Не теряйся, располагайся! — крикнул Саша помельче, подмигнув Женьке и кинув свой рюкзак на ближайшую к нему койку.

Женька огляделся. В дальнем углу, у окна, лежал какой-то парень прямо в кепке, сапогах и телогрейке и храпел с присвистом. Там же рядом, на столе, Женька увидел надкусанный соленый огурец, отломанный кусок хлеба и окурки в грязной плоской тарелке. Внизу около разбитой электроплитки валялась пустая бутылка из-под водки.

— Лежень, наелся до бесчуру, — швыркнул носом дед, — совсем обнаглели, ни стыда, ни совести. Ну ничего, скоро указ выпустят, всех вас за одно место-то тяпнут!

А по багровому носу старика было видно, что он и сам при случае не прочь «приложиться»...

— Тут вот чо, ребяташки... Строители из райцентра... Вон один из них! — показал дед сухонькой рукой на парнягу в кепке. — Ладноть, ребятки, пошли теперь со мной за матрасами! А сумки здесь оставляйте, никто не возьмет, все — свои...

— Так, а вы чо, только втроем? — спросил дедок, идя впереди ребят по коридору.

— Сейчас еще припрутся, — отозвался Саша-великан.

Женька выбрал койку у окна. Постелил постель и, сев на нее, тяжело вздохнул. За окошком мутила черноту земли чуть не поземка, погода портилась на глазах.

«Хорошо, что еще взял с собой теплое белье», — подумал он.

Сразу же с тоской вспомнил жену и дочку Танюшку, старенький письменный стол, приземистую настольную лампу, недочитанную с Танюшкой книжку про слона... Пока Женька предавался унынию и воспоминаниям, в комнату ввалились еще

несколько человек, приехавших на посевную. Саши уже закурили и обрадованно откупоривали принесенные кем-то бутылки. Компания сгрудилась у стола.

— Мы учим летать самолеты! — уже через несколько минут горланили Саши во все горло, хлопали крепкими кулаками себя по груди и называли себя «летчиками» — это они с Женькой были распределены на погрузку удобрений в самолет.

Женька достал из рюкзака сборник стихов Тютчева, но даже одного не смог прочитать до конца — обстановка бешено накалялась.

— Женчик, иди к нам! — позвал Саша помельче.

Женька отказался, мотнув головой.

— Только ты без булды, давай пей до конца, щас к девкам пойдем! — доносились до Женьки возгласы.

Ему вдруг, до перехвата в горле, сделалось противно. Женька надел телогрейку и вышел на улицу. Низовой, напирющий к земле ветер обдал дрожью все тело. Женька дошел до клуба и взглянул на афишу. Индийский двухсерийный фильм «По законам любви».

«Прямо как «по законам военного времени»! — усмехнулся Женька.

Он купил билет за смешную плату и сел в зале.

Показывали цветную наивную муру с бестолковыми надуманными ситуациями. Вокруг щелкали семечки и громко плевали на пол. Но впереди, кажется, смотрели фильм заворуженно, с удовольствием.

Женька, не выдержав этой муки, вышел из клуба, не досмотрев и первой серии и, с трудом разбирая в темноте дорогу, поплелся назад, в барак.

Оба Саши упились в стельку и, распластавшись на койках, лежали без движения.

— Слышь, поэт! — встретили его какие-то новые, незнакомые ребята. — Почитай-ка нам стишки!

На койке лежал раскрытый сборник Тютчева. Женька, ничего не ответив, улегся на спину и уставился в потолок.

— Чегой-то поэт с нами совсем не разговаривает? — съехидничал плечистый парень с русой кудрявой бородкой и шепучными глазами. — Наверно, обиделся.

— Ну что, Женчик, стишки считаешь?! — засмеялся он, скинув футболку и выставив свое тугое тело напоказ.

Вдруг в коридоре взвизгнула дверь и кто-то, как мешок, хлопнулся на пол. А сухощавый угрюмый парень в спортивной шапочке уже рассказывал похабный анекдот и размахивал сигаретой в воздухе, изображая женщину, попавшую впросак.

Женька зажмурил глаза и отвернулся, но их все равно разъедало дымом, рядом курили всласть какую-то крепкую дрянь, булькая по стаканам водку и мусоля карты.

— «Скажи-ка, дядя, ведь недаром!» — со всего маху вдруг саданул картой раздевшийся бородач. — Щас мы тебе баньку сделаем, готовь-ка уши!

Женька поднялся и, откинув дверной крючок, вышел в жидкий сумрак коридора. Там в углу, скрючившись в три погибели, в легких джинсовых куртке и штанах, в потрепанных кроссовках, вжавшись головой в осыпавшуюся стенку, лежал пьяный человек, похожий на казаха. Ветер с истошным скрипом раскачивал наружную дверь и швырял в коридор жесткий, как песок, снег.

Женька вышел из барака, и всего его передернуло от ледяного мерзкого холода, до нужника он не пошел, а завернул за угол барака. В ветках деревьев свистал ветер, обрывок жести на крыше то громыхал, то визгливо скрежетал. И Женьке чуть не до слез стало жалко этого пьяного закованного человека. Он открыл дверь и увидел, как бородач за шиворот заволок пьяного в комнату и, раскачав, брезгливо, со всего маху закинул его на голую панцирную сетку кровати, рядом с Женькиной.

— Околеет же казачонок, не хрен ему примерзать к полу! — будто выдохнул бородач, крепко завернув матюгом.

Казашонок встрепенулся, сильно ударившись о край койки рукой и подбородком, даже во рту у него, как будто, хрустнуло. Он, вскочив, уселся на кровати, поводя пологными непонимающими глазами.

— Чего?! Я!.. — кричал он бессвязно, размахивая руками.

— Ты, ты! Щас я тебе точняком врежу! — вышел из себя бородатый. — Ложись! Кончай рот пялить! Его еще притащили... Ладно, хва — вырубай, Шмоня, свет! — повелевающе кивнул он здоровенному туповатому парню с пухлыми губами, обросшему рыжеватой щетиной.

Свет был выключен, но раскаленный отсвет электрического «козла» освещал всю барачную комнату. Казашонок еще скрипел кроватью и что-то невидимое нелепо хватал руками в воздухе. Женька подsunул ему под голову свою телогрейку и отдал одно одеяло. Тут он увидел на полу смятую кроссовку казашонка и, подняв ее, натянул ему на ногу. Казашонок дернулся и заснул. В эту минуту Женька был невыносимо гадок себе: никогда бы он не взялся так вот запросто помочь кому бы то ни было в таком скотском положении, а бородач, этот циник и похабник...

Женька до рези, до боли в глазах, не отрываясь, смотрел на раскаленную спираль...

Он долго не мог заснуть и еще раз выходил, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Вдруг ему почудилось, что тьма — это не просто тьма, а бездна, на краю которой не раз себя находил и раньше. Захлебываясь ветром, он шептал:

«И бездна нам обнажена

С своими страхами и мглами,

И нет преград меж ей и нами

— Вот отчего нам ночь страшна!»

Именно в такие минуты Женьке открывался глубинный смысл смерти, отдаляя его, Женьку, от него самого. И тогда он вдруг постигал, как прозрение, что он не просто Женька, которому пока еще мало в чем повезло, а Человек — совершенно особое существо, наделенное своей жизнью, гармонией, Вселенной, и дающее жизни бесконечной и свою жизнь!

И казашонок ведь тоже — Человек! А его только что, как буквально мешок с дерьмом, швырнули в угол на кровать...

Женька вернулся назад в барак и лег, лицом к казашонку. Тот, раскинув руки, тихо посапывал.

— Эй, поэт! Не проспи, вставай на работу! — потряс его за плечо бородач. Женька приоткрыл глаза, было уже светло. Он откинул одеяло и, вздрогнув, пожился от холода.

— Чего всю ночь бормотал, стихи что ли? — с усмешкой спросил бородач, нахлобучивая себе на голову шапку.

— Не знаю, — растерянно пожал плечами Женька.

— Ладно, вставай, уже все ушли, буди казашонка! — и бородач сильно хлопнул дверью.

В бараке на самом деле никого уже не было, кроме Женьки и казашонка, которого разбудила хлопнувшая дверь.

— Вставай, уже все на работу ушли! — сказал Женька, взглянув на паренька. — Не замерз?

— Не-а, — мотнул головой тот.

— Как звать-то тебя? — спросил Женька из любопытства.

— Каирбек.

— Каирбек? — переспросил Женька, впервые услышав такое имя.

— Каирбек, — кивнул казашонок и, улыбнувшись, добавил, — по-русски Коля!

— Учишься или работаешь?

— Пастухом работаю,— беззаботно отозвался казашонок.

— А что же ты так плохо одет? Холодно ведь,— удивился Женька. Но тот ничего не ответил.

— На, возьми мой свитеришко! — сказал Женька, порывшись в рюкзаке.

— Не надо,— смутился Каирбек, отталкивая руку Женьки.

— Возьми, возьми, у меня еще есть!

— Я тебе потом принесу,— Каирбек уже торопливо натягивал свитер.

— Да ладно, давай умойся и пойдем.

Вскоре они вышли на улицу. После выпавшего снега было легко и просторно. В кустах, у обочины дороги, тараторили сороки, на солнце их хвосты казались совсем зелеными. Женька еще раз глубоко вдохнул утреннюю свежесть.

«Чему бы жизнь нас не учила.

Но сердце верит в чудеса:

Есть нескучающая сила

И есть нетленная краса...»

Вдруг прочитал он и задумался, взглянув на Каирбека. А тот, приостановившись и вздрагивая от холода, смотрел на дорогу в прогалинах оттаивающей земли, на дальнее поле, где на чистом утреннем снегу хорошо были видны первые грачи...

ЗИМНИЙ ТРИПТИХ

(Стихотворения в прозе)

Тишина

Тишина нависает над головой, как тяжелые от снега ветви сосен. Иногда только дятел нарушит ее, и она вздрагивает при каждом его раскатистом: «дуг-дуг».

В лесу торжественно: даже неказистые кусты в серебре инея издалека похожи на царские короны!

Слоистое солнце стынет в промежутке меж ветвей. Смотрю сквозь пар дыхания на иссиня-розовое обрамление бледнеющего светила, и воздух кажется вязким! Поднимаю голову. Хочется прислониться к морщинистой коре сосны, смотреть на высокие вершины и легко плыть вместе с ними по белесой морозной голубизне!..

Над оврагом

Даже зимой мох на стволах сосен остается зеленым. Может быть, он и вовсе не умирает? Иду вглубь леса. Лежащий снег кажется плотным, но как наступишь на него, тут же рассыпается! Взгляд постепенно привыкает к прозрачному светлому сумраку. Над самым краем оврага одна сосна обняла стволом другую — вспоминается «Поцелуй» Родена. Я останавливаюсь перед ними. Мне жалко, что я не художник...

Зимнее утро

Из пепельно-золотистого, будто тлеющего облака вырвалось янтарно-огненное зимнее солнце. Заискрилась хвоя сосен.

Утренний лес еще хранит молчание. Но клинопись сорочьих следов выказывает присутствие в нем беспокойной жизни. Кажется, вот-вот упругая ветка осыплет снег под толчком лап белобокой хохотуньи, откликнутся ее подружки и без умолку начнут хвастаться друг перед другом своими переливающимися на солнце шлейфами-хвостами!

Но лесу все-таки не до них: просторная тишина еще долго будет напоминать ему о первых утренних лучах...

Сергей Крестьянкин
(г. Тула)

ВЫБОР

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Сашок Федин пил давно, часто и помногу. Начал еще с ПТУ (профессиональное техническое училище), куда он попал после восьмого класса ввиду слабой успеваемости в школе. Надоело тянуть ляжку, решил получить специальность слесаря и быстрее окунуться во взрослую жизнь. Пусть его одноклассники изучают науки и сидят у родителей на шее, а он будет зарабатывать деньги сам и не просить их у отца с матерью.

А что такое взрослая жизнь в представлении юношей? Конечно же, надо научиться курить. И многие в училище овладели этой пагубной привычкой. А второй этап — это выпивка, к которой так же постепенно пристрастились — сначала пиво, портвейн, а затем и водка. Сашок пил с сокурсниками, чтобы удачно сдать сессию, выпивал после окончания экзаменов, поднимал стакан за день рождения друзей, отмечал с товарищами красные даты календаря.

В 1990 году закончил учиться, получил профессию, но в это время развалили Советский Союз — пошли сокращения, предприятия закрывались. Федин со своей квалификацией не смог никуда устроиться. Пил от непонятности, происходящей в стране. Потом, все-таки, нашел работу. По традиции обмывал первый рабочий день, после угощал товарищей с первой зарплаты. Когда его через какое-то время уволили — пил с горя и от безысходности. Бывало выпивал со случайными собутыльниками.

Скатывался, как говорится, вниз по наклонной плоскости.

И все-таки Сашок не был алкоголиком. Он не трясся от того, что не заглотнул очередную порцию горячительного и мог спокойно не пить несколько дней, неделю, месяц. А один раз даже на спор продержался целый год. Но потом, правда, сорвался и ушел в запой на несколько дней.

Федин неоднократно менял место работы. В минуты просветления сдал на права, получил водительское удостоверение и долгое время работал водителем. Женился, обзавелся семьей. Двадцать лет пролетели, как один день. Но пить не бросил — пил по-черному, порой до потери памяти. Бывало, очухивался и не понимал, где находится, что с ним происходило вчера, в какой компании обитал. А если с разбитым лицом, то не помнил — подрался с кем-то в очередной раз или лицо само встретилось с асфальтом.

Свой 36-ой день рождения Сашок Федин отмечал у друга на даче, находившейся сразу за городом и до которой ходу было — минут тридцать, если не торопливо. Хотя при таком интенсивном строительстве домов, город стремительно разрастался и лет через пять, скорее всего, поглотит этот дачный кооператив, превратив его в часть своей территории.

Народу на даче собралось много — друзья, товарищи, друзья друзей, хорошие знакомые. Некоторых именинник не знал даже по имени, не говоря о том, что лица были незнакомые. Но дело не в этом. Праздновали шумно — два дня с небольшой передышкой ночью. Вино и водка лились рекой. Повеселились от души — играли в снежки, лепили снеговиков, благо день рождения у Федина приходился на конец января. А зима в этом году выдалась морозная и снежная — снега навалило столько, что тракторы не успевали расчищать основные дороги для транспорта.

После обеда второго дня гулянки Сашок засобирался домой, так как жене обещал к вечеру вернуться. Выпив с друзьями на дорожку и попрощавшись с теми, кто его еще мог воспринимать, виновник торжества нетвердою походкой отправился в путь.

Солнце не было видно — все небо затянули тучи. Небольшой ветерок, заигрывая с сыплющимися снежинками, кружил их в танце — начиналась метель.

Сильно болела голова, глаза слипались, хотелось спать, но нужно было идти. Мужчина окинул взглядом то, что раньше называлось дорогой, а в данный момент оказалось сплошь завалено снегом. Понял, что автобуса вряд ли дождется в ближайшее время, так как характерного шума техники, расчищающей завалы, он не услышал. Решил идти напрямик, через поле, чтобы ощутимо сократить свой путь. Поначалу двигался легко — лишь по щиколотку опускаясь в белый пух, но чем дальше углублялся в поле, тем все больше и больше проваливался и в итоге шел по колено в снегу. Пожалел, что пошел напрямую — сложно было передвигаться, но назад не повернул — лень, да и устал. «Зато урожай будет хороший», — глядя на эту белую гладь, подумал «большой специалист по сельскому хозяйству».

Так он и шел — с большой головой, полуприкрытыми глазами и утопая по колено в снегу.

Вскоре Сашок заметил железнодорожный переезд с закрытым шлагбаумом.

Поле закончилось. Он наткнулся на несколько молоденьких березок, росших на краю. Остановился отдышаться. До переезда оставалось метров сто. Сумерки сгустились — скоро совсем стемнеет. Слева послышался низкий, словно баритон запел какую-то народную песню, предупреждающий сигнал приближающегося поезда. Федин запрокинул голову назад и с трудом сквозь опущенные веки посмотрел в направлении, откуда исходил звук. Шел многовагонный товарный состав — именно шел, так как двигался чрезвычайно медленно, словно вышел на прогулку, и ему некуда было спешить.

«Ну, что ж, подожду, пока проедет», — упершись рукой в дерево, подумал путник. — «Отдохну немного».

После этого он присел на корточки, закрыл глаза. «Как же гроыхает поезд — голова раскалывается. Нет никаких сил — словно гвозди забивают в виски», — это последнее, о чем Сашок успел подумать. Потом заснул и повалился в сугроб.

«Хорошо лежать на песочке пляжа у моря, подставив свое тело лучам южного солнца. Теплый ветерок поглаживает тебя легким прикосновением и кажется прохладным лишь в момент выхода из воды, пока она полностью не стечет и окончательно не обсохнешь», — Федин жмурился от яркого света и улыбался.

Вдруг перед лицом мужчины появилась морда крокодила или какого-то чудовища. Пасть открылась, обнажая зубы и клыки, оттуда вывалился язык, и загорающий почувствовал на своей щеке что-то холодное и мокрое. Волосы на голове зашевелились у отдыхающего. «Сейчас меня сожрут!» — с ужасом подумал он, но не смог двинуться с места — все тело сковала паническая судорога.

— Ты чего разлегся? — спросила морда из кошмара. — Тебе плохо или окончательно сдурел?

Сашок хотел ответить, но дыхание в горле перехватило и он с трудом что-то промычал нечленораздельное.

Иллюстрация к рассказу художницы Е. Рамсдорф (Германия)

— Вставай, а то коньки отбросишь. Совсем замерзнешь,— продолжала уговаривать клыкастая пасть, и вдруг начала гавкать.

«Какие могут быть коньки на пляже»,— совсем запутался Федин.— «Бред какой-то! Кошмар! Надо бросать пить, а то точно свихнусь».

Его подняли и куда-то повели, после чего он отключился. Еще были всплески воспоминаний, что на пляже его кто-то растирает какими-то мазями, но, наверное, это ему все же приснилось.

Неожиданно Сашок очнулся. Голова разламывалась от боли. Каждое движение давалось с трудом. Было мутно, во рту пересохло, хотелось пить. Как обычно, он не помнил, что с ним произошло и где он находится. Федин лежал на чем-то мягком, его окружал полумрак, только где-то сбоку виднелся отблеск тускло светившей лампы. Он закашлялся и пошевелился. Свету прибавилось.

— Ну, что, найденыш, очухался? — услышал он голос, и перед глазами возникло женское лицо.

— Тетка, где я? — просипел мужчина.

Женщина усмехнулась:

— Племянничек на мою голову.

Она размотала белый пуховый платок, обмотанный вокруг шеи, сняла фирменную шапку с кокардой и полушубок, после чего ответила:

— Ты на переезде, в сторожке, милоч.

— А что я здесь делаю?

— Ну, сейчас — отогреваешься, отсыпаешься, приходишь в себя, я надеюсь. А до этого тебя нашла на краю поля возле березок в сугробе, пьяного, замерзающего. Вернее даже не я, а Альма-матер тебя нашла.

— Чья мать?

— Да не мать, а Альма-матер, что значит институт, где обучаются умные, сообразительные люди. А у меня собака дюже умная, все понимает — Альмой зовут. Вот она тебя и нашла. Еще бы час — другой и окочурился бы ты окончательно. Я тебя до сторожки сопровождала. Это хорошо еще, что удалось тебя растормошить и поднять — хоть сам ноги передвигал, а то я тебя вряд ли бы дотащила. Так что Альме спасибо скажи.

Лежащий повернул голову набок и увидел умный, внимательный взгляд здесь

же сидящего животного. Это была крупная собака рыжей масти с черной спиной, как у овчарок, но таковой не являлась, так как уши ее не торчали, а оказались согнуты наполовину, а значит, в роду у нее попадались разные породы — возможно даже дворняги.

— Спасибо, Альма — спасительница.

Собака словно действительно все поняла — гавкнула в ответ.

— Тетка, что-то меня трясет. Мне бы сейчас водки глоток хлебнуть. Есть выпить?

— От чего же. Можно найти,— женщина посмотрела на бутылку, стоящую на столе.— Вот тебя растирала — осталось немного.

Она плеснула слегка в металлическую кружку и сыпанула туда же пару ложек соли, пачка которой находилась здесь же рядышком. Быстро размешала.

— На-ка, выпей.

Мужчина приподнялся с дивана, взял кружку и залпом опрокинул содержимое себе в рот. Сморщился, даже вернее — скривился, и его затрясло так, будто начало выворачивать наизнанку. Тут же стошнило в ведро, которое успела подставить дежурная.

— Тетка, что это? — схватившись одной рукой за голову, а другой за шею, прошептал Федин.

— Это твоя погибель, если не бросишь пить. На. Запей водичкой.

Сашок трясающейся рукой взял протянутый ему граненый стакан, выпил, лег и почти сразу отключился.

Проснулся он через два часа. Открыл глаза, сел на диване. Женщина сидела за маленьким столом под самой лампочкой и читала книгу, подняв ее поближе к глазам.

— Вас как зовут? — мужчина обратился к хозяйке домика.

— Да тетка и тетка,— усмехнулась дежурная и положила томик Чехова на стол.

— Вы извините — это я спьяну что-то болтал.

— Тамара Ивановна меня зовут.

— А меня — Сашок.

— Что ж так-то? Возраст, небось, под пятьдесят, а все — Сашок?

— Мне на днях тридцать шесть исполнилось. Вот и отмечали.

— Ох, ничего себе, тебя жизнь помотала. А я думала, мы ровесники. Может, еще водочки глоток?

— Нет-нет, спасибо. Если можно, лучше чаю.

— Ну, чаю, так чаю. Это и к лучшему.

Они сидели за столиком, пили чай с вишневым вареньем и рассказывали друг другу о своей жизни.

Тамара Ивановна окончила институт, получила высшее образование. Работала на заводе инженером. Вышла замуж, родила двоих детей. После декретных отпусков возвращалась на свое родное предприятие. Потом Союз стал разваливаться, муж потерял работу и не мог никуда устроиться — начал пить, сперва периодически, затем — постоянно. Перед ней был выбор: заняться так называемым челночным бизнесом и попробовать поправить свое материальное положение, если, конечно, получится, или остаться на прежнем месте. А куда в таком случае детей девать — на мужа надежда слабая. Пришлось остаться на заводе. Завод хоть и трещал по швам, но продолжал работать и зарплату люди получали. Дети подрастали. Муж находил работу и через некоторое время ее лишался. Потом зарплату начали задерживать, многие уволились в поисках лучшей жизни — уходили в частные фирмы. Тамара Ивановна вновь оказалась перед выбором — уходить к частнику, открывать собственное дело или остаться на предприятии с надеждой, что все еще обернется к лучшему. Но слу-

чилось худшее — завод прогорел, муж умер от пьянства. Она едва сводила концы с концами. Пробовала торговать селедкой на рынке, овощами. По специальности устроиться не было возможности. Да никуда почти и не брали — требовались люди молодые, до 30 лет, а ей уже было за сорок.

— Вот последние пять лет я и тружусь смотрительницей на железнодорожном переезде. Зарплата хоть и небольшая, но платят стабильно, без задержек. И график удобный — сутки отработала — трое дома. Успеваю и отдохнуть, и подработать, и домашние дела сделать, и дети под присмотром. Одна дочка в институте учится, а вторая школу заканчивает.

Так что у людей всегда есть выбор, и у тебя, Сашок, тоже. Подумай об этом. Замерзнуть в сугробе или встать на ноги.

— Спасибо вам, что не дали замерзнуть. Пойду я. Жене обещал быть дома вечером.

— Ступай. Обещания надо выполнять.

Мужчина собрался, потрепал Альму по голове и ушел.

Через несколько дней Федин вновь появился на этом переезде. Он был абсолютно трезвым, принес торт, несколько пакетов с едой, один из которых оказался доверху наполненный костями и мясом — специально для собаки, и бутылку водки.

Тамара Ивановна строго посмотрела на бутылку, и Сашок поспешил объяснить:

— Эти угощения вам в благодарность за спасение, а водка, так, на всякий случай, если, вдруг, еще кто-нибудь будет замерзать. А пить я бросил. Раз и навсегда. Зарекаться не буду, но больше не тянет.

Вячеслав Тебенко
(г. Петрозаводск)

ПЕРВАЯ ЛИНИЯ
(отрывок из рассказа)

Родился в 1982 году, в селе Реболы Муезерского района Карельской АССР. Окончил Петрозаводский государственный университет, исторический факультет.

— Они опять прислали мне эти бутылки, пропади они пропадом! — капитан Ярвинен был вне себя от ярости.— Нумми, передайте им в штаб, что этих бутылок мало. У меня нет столько людей, чтобы бутылками останавливать танки! Если эти крептины не понимают, что такое танк, русский танк, то мы им с удовольствием покажем! Скажу больше, эти придурки могут залезть в окопы и попытаться зажечь танк, если, конечно, раньше их не сразят советские пули.

— Господин капитан, вы же знаете, что они делают все возможное.

— Они делают? Делаем здесь мы, Нумми! Мы делаем невозможное! У нас нет ни одного, ни одного, противотанкового ружья! Артиллерия отвечает на атаки русских реже, чем моя пехота.

— Вчера мы их здорово потрепали, этих русских.

— Нумми, не зли меня! Вчера, вчера! Мы недосчитались семи человек. Даже не знаю, где их тела, а русские потеряли всего один танк. Мне известно, что коктейль Молотова — хорошая штука. Но придет тот день, когда нас взбодрят авиацией, потом будут бить прямой наводкой, затем отутюжат танками. Тогда ты или кто там останетса в живых сможет последний раз швырнуть этот коктейль в советский танк и сдохнуть на позициях!

Ярвинен сделал себе кофе.

— Будешь? — бросил он Нумми.

— Да, пожалуй, можно.

Ярвинен налил подчиненному кофе. Нумми потянулся за кружкой.

— Постой, не переводи напиток,— капитан достал из внутреннего кармана полушубка плоскую флягу.— Водка и кофе. Хорошо хоть с этим пока проблем нет, это наши союзники.

Раздался оглушительный грохот. Нумми повалился на пол. Ярвинен почувствовал, как закружилась голова, схватился за спинку стула и посмотрел по сторонам. Комната была цела, однако Ярвинену казалось, что хороший боксер пробил ловкий хук. У Нумми из ушей текла кровь.

Капитан бросился к совсем еще юному солдату: «Набрали мальчишек».

— Вставай, очнись,— Ярвинен смочил водкой носовой платок и приложил к лицу парня.

Нумми открыл глаза.

— Мы живы? — едва прошептал он.

— Да, живы! И, к сожалению, ты не в раю, а там снаружи сейчас настоящий ад, лежи на полу, не вставай. Пойду и посмотрю, как там остальные.

Прозвучал еще один разрыв снаряда.

— Советская артиллерия — это молния.

— Почему?

— Никогда дважды не бьет в одно место. Скоро они опять пойдут в атаку.

Снаряды рвались вокруг ДОТа, однако уже попаданий не было. Финские солдаты укрылись в казематах.

— Мы, словно звери, прячемся в этих норах. Когда уже это прекратится!

Кто-то просто лежал на полу и смотрел в потолок. После того, как закончится обстрел, начнется затишье, а дальше самое страшное для тех, кто укрывался за стенами ДОТов, и тех, кто пойдет в наступление.

Канонада длилась минут пятнадцать. Потом артиллерия смолкла.

— Все, ребята, готовьтесь,— защелкали затворы винтовок и автоматов.

— Рахья, ваш «Бюфурс» еще на что-нибудь способен?

— Конечно, только снарядов маловато.

— Это нормально, главное, чтобы не разнесли амбразуру. Надеюсь, пулеметчики на флангах еще живы. Будьте готовы, скоро пойдут.

— Кто на линии?

— Те, кто не был в прошлый раз. Возражений нет?

Возражений не последовало, два десятка бойцов готовились выйти на мороз и встретить противника, как только он пойдет в атаку.

— Не жалейте «выпивки»! Русские это любят. Бутылок у нас хватает!

Нервное напряжение возрастало с каждой секундой. Как говорили те, кто выжил после боев, обычно страшно до того, как все начнется, и после того, когда закончится. В бою не столько поражает страх, сколько шок. Даже раненные порой не чувствуют боли. Однако атаки не было.

«Что они задумали?» — задавался вопросом Ярвинен, рассматривая в бинокль, как солдаты противника, не торопясь, выходят на позиции, но не идут в атаку, что обычно бывало после артподготовки.

— Чего ждем? Вроде пора? — спросил молоденький красноармеец, глядя на товарищей.

— Пора, так иди,— зло ответили вновь прибывшему лейтенанту.— Вчера командующий сам здесь был, теперь будем учиться идти за огненным валом, по старым методикам.

— Какие еще методики? Танки сейчас пойдут!

— Лейтенант Старовойтов,— рявкнул внезапно появившийся комбат,— не путайте людей, ждите команды.

Роты вышли на позиции. Раздался рев машин, восемь танков Т-26 должны были поддержать пехоту. Подползал еще один Т-26.

— Этот куда? Ему что — пушку обрезали, недоделанный какой-то? — раздался нервный смешок по рядам.

— Сам ты недоделанный! Это химический танк, с огнеметом.

Шутник уважительно замолчал.

— Будем чухонцев согревать! — выкрикнули из строя.

— Если сами раньше не согреемся,— прозвучало в ответ.

— Все как обычно, а мы переживали. Русские готовятся к атаке, бежать-то им никак. Снег нам в помощь. Гости уже идут,— зло сказал Ярвинен.

Красноармейцы медленно двинулись вперед. Финны выходили из ДОТов и занимали места в окопах.

— Ну же, парни, давай,— прошептал Тиммонен, глядя на едва плетущихся советских бойцов.— До чего неторопливые! Так мы вас уложим раньше времени.

Грохот разразил морозное небо. Тиммонена буквально снесло взрывом. Советские пушки и гаубицы вновь начали работать по позициям. Финны пытались распластаться по мерзлой земле на дне окопа. Артиллерия метала огонь, не жалея стали и пороха.

— Что это? — финны не сразу сообразили суть происходящего.

— Ничего нового — классика жанра. Немецкий прием: пехота следует за огненным валом, подходят как можно ближе, в идеале сто метров, а дальше — бросок. Сто метров — это не пятьсот и даже не триста. Надеюсь, снег нас еще выручит. Бежать они не смогут.

— У них сменили командование?

— Похоже на то. Ребята, эта атака будет другой,— закачал головой Ярвинен.— Так просто сегодня мы не отделаемся. Ласси, запрашивай поддержку артиллерии. Пусть бьют ближе к нашим позициям.

Финская оборона стала «огрызаться» редкими ружейными выстрелами и короткими очередями в тот момент, когда можно было видеть атакующих.

Советская пехота шла за танками, кто-то пытался прикрываться бронешитками, с флангов неуклюже двигались советские лыжники. Финская артиллерия иногда бросала огонь в советские цепи, но ее мощи было недостаточно.

Красноармеец позади атакующих взмахнул красными флажками и скрестил два раза руки над головой. Артиллерия с советской стороны прекратила огонь. Развернулся бой в непосредственной близости от финских позиций. С максимальной интенсивностью заработали пулеметы, автоматы, винтовки. Красная пехота не спешила к финнам, уступая это право стальным машинам.

T-26 лихо шел на финские укрепления, но шведский «Бофорс» остановил это движение. Танк встал на месте, видимо, попали в гусеницу. Машины позади остановились, словно выбирая цель, но цели не было. Первый танк оцетинился пулеметными очередями туда, где были малейшие признаки жизни. Последовал выстрел из орудия в блиндаж. «Бофорс» сделал пару выстрелов, пробив башню боевой машины.

Танки стали отчаянно вести пулеметный огонь.

Откинулась крышка люка, показался танкист. Едва он вылез, как тут же был сражен автоматной очередью. Второй танкист каким-то чудом вылетел из башни и буквально нырнул в снег.

— Вроде Мишаня живой! Ребята, не ждем пехоту, отбить его надо! — орал командир экипажа.

— Пушка моя, сейчас накрою!

Однако жизнь второго танкиста продлилась лишь на мгновение дольше. Сразу несколько финских солдат взяли его на прицел. Тщетно! Красноармейцы вели огонь прикрытия. Танки были грозой финнов и вызывали куда больше злобы и ненависти, чем простые советские пехотинцы. Танк справа развернул орудие и сделал несколько выстрелов в сторону «Бофорса». Пушка ответила, но снаряды вошли в снег. Танки продолжили движение, пехота следовала за ними.

— У нас там что? Уже живых нет? Где фланги? — ругался Ярвинен.

Финские окопы и ДЗОТы стали оживать, пулеметы старались отсечь пехоту от танков.

Красноармейцы вели огонь по укреплениям и блиндажам, но толку от такой стрельбы было немного. В сторону «Бофорса» пошли еще три танка.

Одна машина наскочила на каменный надолб и остановилась, затем попыталась его объехать, свернув влево. Звук разбивающегося стекла никто не слышал, но все увидели, как вместо танка появился огромный факел. Экипаж пытался покинуть го-

рящую машину, но было поздно. Как только открылся люк и едва показался первый танкист, еще одна бутылка достигла цели. И все же танкисты предпочитали спастись, нежели плавиться в груде железа. В людей, объятых адским пламенем, никто не стрелял. Два оставшихся танка вели огонь по ДОТу, где была пушка.

— Давай, давай, иначе они нас завалят огнем!

«Бофорс» открыл огонь по одному из танков, выстрелы прошли гусеницы, а потом и башню. Экипаж погиб вместе с танком.

— Смотри, еще один, скорее разворачивай!

— Что за танк? Не стреляет, у него только пулемет,— Карл удивленно наблюдал за танком с коротким стволом.

Машина резко изменила траекторию и двигалась под углом так, что выстрелить могла либо в стену ДОТа, либо наискосок параллельно амбразуре, но никак не прямой наводкой. Где-то за сорок метров танк остановился. Из короткого ствола вырвалось пламя, потом еще и еще.

— Огнемет!

Легкий химический танк ХТ-26 не стрелял обычными снарядами и не разрушал мощные укрепления. Он выжигал живую силу противника огнесмесью мазута и керосина. В несколько секунд на людей обрушивалось больше двухсот литров огня. Расчет «Бофорса» сгорел за считанные секунды. ХТ-26 выстрелил по окопам, однако пламя растопило снег, а не людей. Танк дернулся и поехал дальше к позициям.

«Хоть кто-нибудь!» — взмолился Ярвинен.

Танк угодил в яму. Это было небольшое отверстие в скальной породе, выдолбленное сильными руками финских рабочих или любезно «предоставленное» природой Финляндии как раз на этот случай. Советские пехотинцы и танки открыли огонь по направлению движения танка, чтобы избежать случайностей.

Мотор танка стал работать сильнее, потом взревел как раненый зверь, заскрежетали гусеницы, металл соревновался с камнем. Машина шла быстро и попала в эту ловушку, а выехать из нее уже не могла. Теперь нужно было отстреливаться. Слишком страшная участь ждала огнеметчиков, если они окажутся в плену. Оставались еще варианты: замерзнуть в стальной капсуле, отведать коктейль Молотова или быть застреленными.

Бой превратился в перестрелку. Финны не шли в контратаку, ведь это было бы самоубийством, учитывая, что перед ними танки, а красноармейцы уже исчерпали свой запал, тем более что впереди их ждал убийственный огонь из всех щелей финских укреплений.

Стороны ждали ночи или подкрепления. С наступлением темноты советская пехота стала отходить назад. Две машины развернулись и стали по обеим сторонам от попавшего в ловушку танка. Третий танк сманеврировал и задом почти вплотную подошел к ХТ-26.

Танки открыли буквально ураганный огонь в сторону финских позиций. Русские решили, что можно поторговаться с судьбой и выкупить своих товарищей. Под огнем прикрытия и опускавшейся темноты танк взяли на буксир и потащили к своим позициям. В темноте машина более уязвима, чем человек.

Тимо и Юрье очень хотели сжечь ненавистный огнеметный танк. Однако ближе был танк прикрытия. Когда машины уже начали обратный ход, один из танков вспыхнул мощным факелом. Коктейль Молотова — это всего лишь пол-литровая бутылка со смесью денатурата, керосина и дегтя, но при удачном попадании в воздухозаборник танка пламя затягивается внутрь, и двигатель быстро загорается. Однако у экипажа при определенной сноровке и ловкости есть шанс спастись.

Измученные боем люди по обе стороны огня ужасно хотели спать. Только спать! Завтрашний день обещал быть таким же.

Капитан Ярвинен не спал, у него было предчувствие, что финнам осталось недолго. Силы таяли с каждым днем, людей катастрофически не хватало, патроны и гранаты приходилось экономить. Если «Бофорс» и можно было отремонтировать, то лишь после того, как закончится война. Следующую танковую атаку придется отражать в ручном режиме. В два часа ночи Ярвинен, преодолев нервное напряжение, уснул: до семи утра можно еще спать и спать, целых пять часов. Целая вечность!

* * *

— Тихо! Давай сюда! — красноармеец устанавливал взрывчатку.

— Лепи уже быстрее горбатого к стенке.

— Уходить надо!

— Сейчас еще одну...

В ночной тишине послышался скрип, бойцы застыли.

— Mitä siellä on*?

— Jälleen nämä boobies**!

— Уходим! — прошипел один из бойцов.

— А взрывчатка? Тут не вся.

— Оставь! Еще успеем!

Бойцы стали выбираться по снегу. Вновь послышались финские голоса.

— Зажигай!

Чиркнула зажигалка. Огонек змейкой пополз по бикфордовому шнуру. Хотелось лететь, но по снегу можно было только идти. По следам красноармейцы вышли к лыжам, не глядя, воткнули ноги в крепления и мигом помчались к своим позициям. Раздался взрыв. Секунд через десять ночное небо осветили сигнальными ракетами. Послышались автоматные очереди.

— Слабовато! Взрывчатки больше давали. Чего это они так?

— В следующий раз пойдешь и поставишь! Не последний день воюем,— кто-то из красноармейцев возразил «специалисту».

— Артиллерия, огонь! — невозмутимо сказал один из командиров.

По финским позициям начали вести обстрел.

— Егоров, Шамсудиев! К танкистам!

По команде заработали пулеметы из танков.

В эти минуты обессиленные «маршем выживания» красноармейцы, обливаясь потом, неслись к спасительным окопам, чтобы не стать мишенью для финских стрелков.

— Быстрее, быстрее! Нас прикрывают!

— Бегут, бегут! Еще чуть-чуть!

— Давай, давай, ребята! — переживали бойцы за своих товарищей, которые бежали наперегонки со смертью.

Время как будто перестало существовать.

Все трое лежали на снегу, пытаясь отдышаться.

— В палатку их! Поднимаем!

— Не студишься, не студишься!

Троих смельчаков отвели в теплое место. Пол в палатке был устелен лапником.

— Пока не околели, наденьте сухое и выпейте чаю.

Только сейчас к бойцам стали возвращаться нормальные человеческие ощущения. Еще пять минут назад хотелось раздеться, выпить ведро холодной воды, упасть

* Что там? (фин.).

** Опять эти болваны! (фин.).

на землю и просто дышать... Настолько сильной оказалась физическая и психологическая нагрузка! На улице между тем было минус двадцать пять.

* * *

Финские солдаты столпились вокруг укрепления.

— Лори, Нико, вы живы? — взмолился Ласси.

— Да живы мы, живы!

— А Оскар?

— Живой ваш Оскар! Куда он денется! — выругались в ДЗОТе.

— Все нормально, живы они.

— Как нам их оттуда выгнать? Вход завалило.

Ярвинен обошел несколько раз вокруг ДЗОТа.

— Огня не зажигайте, иначе нас накроют.

Финны стали разбирать завал. Но ручной силы оказалось недостаточно, чтобы сдвинуть бетонную глыбу, из-за взрыва загородившую выход из ДЗОТа.

— Сидят как в пещере. Надо взорвать вход.

Ярвинен удивленно посмотрел на молодого фенриха.

— Реймо, ты с ума сошел или в тебя угодил русский снаряд?

— В чем дело, господин капитан? Другого выхода нет.

— Выход есть, — ответил мужчина и отправился в большой ДОТ.

Ярвинен вернулся, неся стальные тросы.

— Будем вытаскивать парней с того света на этот.

Вокруг самой большой глыбы обмотали тросы. С каждого конца трос держали по три солдата, готовых надирать собственные мышцы, чтобы вытащить своих братьев по оружию.

— Раз, два, три, давай! — командовал Ярвинен.

Но глыба едва приходила в движение. Слабых здесь не было, но и геркулесами этих людей не назовешь.

— Ласси, хватай лом и поддень ее, — командовал Ярвинен. — Торо, отдохни, — схватил он трос.

— Готовы? Раз, два, три! Жми! — Ярвинен увидел кровь на ладонях.

Глыба поддавалась и упала на снег. Дальше расчистить вход было делом техники.

Ярвинен посмотрел по сторонам. Кто-то совершил очень большую ошибку, думая, что дневной атакой дело ограничится. Из-за этого чуть не поплатились жизнью трое солдат, оказалась полуразрушенной огневая точка.

— Исмо! Где этот идиот? Всыплю ему как следует, — у Ярвинена чесались руки.

— Исмо, где он прячется? Ведите сюда этого болвана!

Действительно, Исмо нигде не было. В суматохе ночной стрельбы о нем и не вспомнили.

— Исмо должен был быть в ДЗОТе. Или он был в охранении?

— Наверное, его взяли в плен: русские ушли вместе с Исмо.

Ласси стал обходить окоп, ходы и все «норы».

— Иис-мо-о, Иис-мо-о!

— Как он дал русским утащить себя?

— Эй, сюда, смотрите!

Невысокий финский солдат лежал лицом вниз. Ласси схватил его за воротник и развернул к себе. Исмо уже не дышал. Советские разведчики, видимо, действовали только природной силой мускулов, не применяя никаких средств, придуманных людьми для истребления друг друга. Солдаты стояли молча. На месте Исмо мог оказаться каждый. Мороз, бессонные ночи, изнурительные бои... Может быть, бедняга

просто вздремнул всего лишь на несколько минут, а уснул навсегда. Ярвинен вспомнил, что подобные ночные рейды проделывала и его группа, когда хватало сил и люди не были измотаны каждодневными штурмами.

— Похоже, русские решили показать когти, — тихо сказал один из офицеров.

— Будем их выдергивать, когти-то.

— Часовые, сменщики, все по своим местам! Суло, Лиянен, Беккер, идете со мной! Вопросы есть?

Три солдата последовали за капитаном — предстоял серьезный инструктаж.

* * *

К девяти утра танки и артиллерийский расчет были готовы. Однако для выполнения задания командир полка попросил лишь один. Орудие прицепили к танку и буксиром поволокли к финским позициям. Вторым рейсом танк должен был взять бронесани и отбуксировать снаряды. Бойцы-артиллеристы шли пешком, идти предстояло недалеко. Расчет прост: ДОТам и ДЗОТам противника досаждала советская артиллерия, однако разрушить укрепления не удавалось. Сначала были трудности с попаданием, а потом выяснилось, что даже редкие удачные выстрелы не страшны финскому бетону. Требовался больший калибр, но 203-миллиметровых орудий пока еще не было, не говоря уже о системе Бр-5 с mortarой калибром 280 миллиметров. Оставалась полковая артиллерия МЛ-20 калибра 152 миллиметра. Решили попробовать бить по укреплениям с открытых позиций и максимально близкого расстояния. Затея, разумеется, была отчаянная, однако предыдущие попытки уничтожить ненавистные ДОТы и ДЗОТы пока успеха не имели, а каждый штурм дорого обошелся советской пехоте и танкам.

Орудие расположили почти в километре от финских позиций. Артиллеристы отцепили пушку с буксира и начали устанавливать лафет. Лейтенант Краснов торопил бойцов, хотелось как можно быстрее расстрелять весь боезапас и вернуться обратно на свои позиции. Конечно, стрелять нужно грамотно и четко, чтобы достичь результата, но собственная жизнь была дороже.

* * *

Беккер чувствовал тепло оленьей шкуры. Костюмчик, сделанный еще лет пять назад, когда Беккер охотился в провинции Северное Саво, сидел отлично. Иногда приходилось лежать несколько часов подряд в снегу, на морозе. Тогда ему и смастерили такой «кафтан», а уже поверх были надеты белые штаны, белая куртка, белая шапка-маска: видны только глаза из прорезей, за что Беккера прозвали «белым медведем». Оптикой он не пользовался, блеск линз прицела мог выдать его противнику.

Едва рассвело, как Беккер уже занял место в сугробе недалеко от русских позиций. На его счету уже были многие десятки жизней бойцов и командиров Красной Армии. Сейчас он не спешил увеличивать их число. Ярвинен поставил задачу контролировать русские позиции на тот случай, если опять начнутся «фокусы». Когда на переднем крае показалась пушка, Беккер, находясь в центре, знал, что делать. Бойцы устанавливали пушку в сторону финнов.

«Стрелять еще рано, они двигаются и частично защищены броней. Однако с минуты проморгаешь — и будет поздно», — Беккер взял на прицел одного из бойцов и мысленно представил себе, кто будет вторым.

Два выстрела он успеет сделать. Возможно, потом враги упадут в снег, укроются за броней пушки или прижмутся к танку.

«Не первый раз», — подумал Беккер и плавно нажал на курок.

Вдалеке человек упал в снег, пуля попала ему в голову — охотник-любитель редко промахивался. Следующий выстрел был хуже: второго бойца лишь слегка зацепило. Русские упали в снег, но никто не думал бежать. Танк зарычал и развернулся, прикрывая насколько возможно артиллерийский расчет с фронта.

«Можно попытаться еще, но позже», — решил Беккер.

Бойцы суетились у орудия. Танк хотя бы мешал снайперам вести прицельный огонь. Прозвучало еще несколько выстрелов. Суло и Мяккинен, бывшие егеря, отличные охотники, волею судьбы ставшие снайперами, били с флангов. Число красноармейцев убавилось еще на двоих человек, однако артиллерийский расчет, состоящий уже из семи бойцов, мог открыть огонь.

Тактика стрелков была известной: иногда снайперы использовали «квадрат», то есть прятались в снегу с четырех сторон, тщательно маскировались и ожидали атаки. При этом иногда двое оказывались почти в тылу наступающих. Но после ночного рейда русских Ярвинен велел, чтобы снайперы не уходили далеко от своих позиций.

Танк теперь стоял справа от пушки, как бы защищая фланг. Снайперы уже меняли позиции. Прозвучал первый выстрел из орудия, затем второй, третий — артиллеристы спешили, пока сами не попали под огонь. Снаряды рвались на укреплениях. ДОТы и ДЗОТы после пристрелки могли стать отличной мишенью.

— Бетнобойными! Огонь! — кричал лейтенант Краснов.

Там, где была опорная пулеметная точка финнов, взлетали комья земли и снега. То, что вчера не смогло сделать русские разведчики, сегодня уверенно крушили артиллеристы сорокакилограммовыми снарядами.

«Танк у них — это плохо», — вздохнул Мяккинен и стал думать, где ему лучше занять позицию для стрельбы.

«Вот теперь я вас снова вижу», — Беккер быстро выбирал цель.

Винтовочных выстрелов никто сейчас не слышал. Расчет у пушки уменьшился еще на одного человека.

— Так они нас сейчас всех выбьют, товарищ лейтенант. Спрятаться бы надо.

— Потом нашим в атаку идти. Пехота пусть погибает, что ли?

— Никак нет, товарищ лейтенант, виноват. Бить надо гниду казематную.

— К земле жмитесь! Лежа будем заряжать, ДОТ этот несем к едрене фене, — ругался Краснов.

Суло выстрелил в наводчика. Красноармеец упал лицом на прицел — стреляли метко. Танк повернул башню, из пулемета стали прошивать сугробы, надеясь так достать снайпера.

Краснов занял место наводчика. В сторону ДОТа, расположенного против пехоты и танков, полетели снаряды.

— Есть! Кажется, здорово им врезали!

— Давай, заряжай, бетонобойный!

Здоровенная гильза вылетела из пушки, зашипев в снегу. Клацнул затвор — еще попадание.

— Осколочным сейчас попробуем! Давай!

Но снаряда никто не подал. Еще один раненый боец сел у бронесаней. Танк отчаянно полосовал снежный покров длинными и короткими очередями.

— Всем укрыться, больше не успеем!

Краснов лежал в снегу вместе с уцелевшими артиллеристами. Теперь нужно было ждать либо темноты, либо танков, и как-то под прикрытием уйти с этого пятачка смерти. Хотелось напоследок выстрелить химическим снарядом, стать невидимыми для снайперов. Но бить можно было по фронту, а стрелки держали фланги, причем и

правый, и левый. Однако насчет левого Краснов ошибался. Танкисты не жалели патронов, отчаянно простреливая сугробы. Финский солдат судорожно глотал морозный воздух, быстро теряя силы на морозе...

Остаток дня Ярвинен проводил за водкой и кофе. Один из опорных ДЗОТов перестал существовать. Теперь в них можно было прятаться отдельным пехотинцам. Но сдерживать пулеметным огнем цепи пехоты, не боясь танков и артиллерии, уже было невозможно. Стреляли с близкого расстояния, снаряды попадали в цель. Центральному ДОТу тоже досталось. Раненых предполагалось под покровом темноты перевести в тыл. Их оказалось всего трое. Тем, кто находился в ДЗОТе, медицинская помощь была уже ни к чему.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

СКОМКАННОЕ ПИСЬМО

Наш постоянный автор, лауреат литературных премий им. Н. С. Лескова «Левша» и им. Л. Н. Толстого, член Союза писателей России.

День выдался пасмурным и ветреным. После мягкой пролетки отца Александра, на крестьянской подводе ехать было неудобно и жестко, несмотря на то, что Гордей телегу застелил соломой. «Чтобы барыням ехать было не дюже жестко, а уж мы-то люди привыкшие», — сказал он.

— А где же дядя Авдей? — поеживаясь на прохладном ветру, спросила Софья.

— Уехал в Ехрем спозаранку.

Телега тряслась и дребезжала, особенно по булыжной дороге, но когда съехали на дорогу проселочную, ехать стало мягче. Ехали недолго. Проехав поле, спустились в балку и уже на подъеме увидели лес, у которого и находилось имение Рязановых. Чем ближе подъезжали к бывшему имению, тем все больше и больше Екатерину Михайловну и Софью охватывали воспоминания, а в душу и сердце вкрадывались тревожные чувства.

Гордей подстегнул лошадь, и та пошла рысью по траве, буйно разросшейся на некогда шумной и бойкой дороге к имению. Проехав мимо заросшего ряской пруда, возле которого Софья впервые испытала радостные чувства от первого поцелуя, мимо начавшего уже заиливаться колодца, оказались на территории бывшей усадьбы.

— Ну, вот и приехали, барыня, — тихим голосом сказал Гордей, останавливая лошадь.

Екатерина Михайловна сидела какое-то время на телеге, глядя тяжелым взором на свои бывшие владения, затем не без помощи Софьи сошла на землю. Имение своей заброшенностью печалило взгляд Екатерины Михайловны. На месте жилого дома из-под густой травы еще кое-где виднелись остатки стен, от людской избы, в которой жили Фроловы, не осталось ничего, кроме дико разросшейся крапивы, где едва угадывался развалившийся фундамент. Чуть в стороне, ближе к лесу, сиротливо стоял не тронутый пожаром с обвалившимися кое-где стенами и крышей, так же заросший дикотравьем, скотный двор. Взяв, вмиг ссутулившуюся и еще больше осунувшуюся, мать под руку, Софья пошла вместе с нею к развалинам жилого дома. Долго стояли подле развалин. Словно приветствуя бывших хозяек, на ветру кивал им головой чертополох.

— Ну, здравствуй, наш милый дом! — тихим голосом произнесла Екатерина Михайловна.

Злости или обиды на людей, спаливших их дом, разгромивших усадьбу, сломавших жизни, в душе и на сердце уже не было — все ушло со временем, осталось лишь

сожаление об утраченном счастье. Глядя на развалины, обе плакали. Стоявшая чуть поодаль от них — чтобы не мешать хозяевам — Марфа Антоновна тоже плакала. Гордей сидел в телеге, тяжело опустив голову, лишь изредка переводя взгляд с плачущих женщин на развалины дома. Небо потемнело, усилившийся ветер гнул ветки акации, шумел в лесу листьями деревьев, оживились назойливые мухи. Они кусали лошадь, и та, очумевшая, отмахивалась от них хвостом, мотала головой, взбрыкивала ногами и пыталась утащить куда-то в сторону телегу, но Гордей то и дело натягивал вожжи и останавливал ее. Наконец он слез с телеги и подошел к Екатерине Михайловне.

— Пора в дорогу, барыня, а то, похоже, что дождь скоро начнется, кабы он нас в поле не застал. Кабы нам до Никольского успеть, а там, глядишь, и укроемся где,— сказал он.

— Да, да, Гордей Никифорович, едем,— ответила ему Екатерина Михайловна.— Дай, милый, нам еще немножко побыть здесь,— попросила она, после чего взглянула на Софью.— Вот, Сонечка, и побывали мы с тобою дома. Вот здесь я тебя и Володеньку в люльке качала,— указала она рукой в сторону разросшегося чертополоха.— А вон там была детская, в которой вы с Володенькой играли. Помнишь, Сонечка, как вы с Володенькой играли вон в той комнате, которую ваш отец выделил под детскую? Она с южной стороны и была самая светлая, потому что в нее всегда светило солнце. Это вы уже как постарше стали, так по разным комнатам разошлись. Эта светлая так и осталась твоею, а Володеньке досталась вон та,— Екатерина Михайловна указала на торчавшие из густой травы почерневшие и полусгнившие бревна чердачного перекрытия.— Помнишь, Сонечка, как он с германской войны пришел ночью грязный в чужой одежде и сказал, что нет больше ничего, ни царя, ни отечества, что все — рухнуло? Помнишь? А потом он ушел тайно ночью, на Дон ушел. А потом нас сожгли. Помнишь, Сонечка? А как же... как же он нас найдет теперь? Ведь мы же уехали отсюда... А Володенька-то... он как же? — Екатерина Михайловна взглянула на Софью тревожным взглядом. Та отметила про себя, что мать очень сильно осунулась и еще больше состарилась, за одно мгновение — состарилась. Как же она была против этой поездки на Птань, зачем только согласилась?!

Гордей и Марфа переглянулись, затем взглянули на Софью, та испуганно смотрела на мать.

— Пора, барыни, ехать, погода портится,— произнес Гордей.

— Мама, пошли нам пора ехать,— Софья взяла мать под руку и чуть ли не силой повела к повозке.

— Идемте. Пусть Серафим Аркадьевич с Володенькой нас тут дождутся,— тихо произнесла Екатерина Михайловна и, придерживаемая Софьей и Марфой Антоновной, пошла к повозке. Перед тем как сесть в нее, остановилась и обернулась.— Дайте взгляну, ведь в последний раз вижу,— сказала она с грустью в голосе. Постояла какое-то время, затем наложила на себя крестное знамение и низко поклонилась своему бывшему имению.— Поехали,— проговорила дрогнувшим голосом и с помощью Софьи влезла в телегу.

Всю дорогу до Никольского кладбища Софья наблюдала за матерью. Она была напугана ее состоянием. Екатерина Михайловна сидела молча, устремив взор в землю. Лишь однажды, когда вспыхнула молния и где-то совсем рядом громыхнуло, она подняла голову.

— Гроза,— сказала Екатерина Михайловна, неизвестно к кому обращаясь.

— Свят, свят, свят,— произнесла Марфа Антоновна и, взглянув в небо, перекрестилась.— Ежели гроза займется, то енто надолго,— проговорила она.

— Да, грозы у нас — долгие,— тихим голосом и не поднимая от земли взгляда, произнесла Екатерина Михайловна.

Тем временем со стороны Придонья возницу догоняли черные дождевые тучи, они были тяжелые и висели низко над землей, отчего сразу сделалось сумрачно, усиливающийся ветер со степи принес холодные преддождевые запахи, все говорило о том, что вскоре должен пойти сильный дождь.

На кладбище успели до дождя. С момента похорон Серафима Аркадьевича прошло уже около двух лет, и по обеим сторонам тропинки появилось немало новых свежих холмиков. Многие могилы были неухоженные, а иные и вовсе заросли травой. Могилу Серафима Аркадьевича искали долго. Гордей Никифорович шел первым, приминая сапогами траву. Следом за ним с трудом шла поддерживаемая Софьей Екатерина Михайловна, замыкала шествие Марфа Антоновна.

— Березка тама, у его могилы, должна быть, — проговорил Гордей, возвратившись от очередного могильного холмика.

— Так вон же они — березки. Ты уже сколь их обошел, — с укором произнесла Марфа.

— То не те березки, — ответил жене Гордей. — А ну-ка, можа, вон та, — устремил он взгляд в сторону одиноко стоявшей березы. Долго рассматривал ствол дерева, затем махнул рукой. — Вот она та самая березка, тута барин схоронен, — указал он рукой на заросший травой могильный холм после того, как все подошли к дереву.

— А ты не ошибся, Гордей Никифорович? — спросила у него Екатерина Михайловна.

— Никак нет, барыня. Вот глядите, видите, тута зарубка на дереве? — спросил он, указывая на едва заметную зарубку на стволе березы. За два года дерево выросло, но зарубка все же видна. — То я сделал топором, чтобы по зарубке могилку барина сыскать можно было бы.

Екатерина Михайловна долго рассматривала ствол дерева, а затем перевела взгляд на покосившийся могильный крест. Гордей перехватил взгляд барыни, быстро подбежал к кресту и начал поправлять его.

— Виноватый, барыня, не доглядел, — сказал он.

— Будет тебе, Гордей, — махнула рукой Екатерина Михайловна и опустилась перед заросшим травой бугорком на колени. Руками разгребла траву и начала водить ими по могильному холмику, словно глядя его. — Ну, здравствуй, Серафим. Не обижайся на меня, что долго не приходила к тебе, нынче нам не до того, — сказала она, и на ее глаза навернулись слезы. Софья стояла рядом, она тоже тихо плакала.

— Пушай барыни одни побудут, с барином пообчאותся, — обращаясь к жене, тихо, почти шепотом, произнес Гордей, отводя ее в сторону.

В этот момент прямо над их головами вновь полыхнула молния, с треском разверзлись небеса, и хлынул проливной дождь. Он был такой силы, что одежды вмиг стали насквозь мокрыми, земля пропиталась водой до такой степени, что возле могилы Серафима Аркадьевича образовалась большая пузырящаяся лужа, в которой на коленях продолжала стоять Екатерина Михайловна. Полы ее шляпки под упругими струями дождя обмякли и опустились, вуаль прилипла к мокрому лицу. Софья, спрятавшись под кронами березы, прижалась к стволу дерева, одежда ее так же была мокрой. Гордей бросился к барыням, снял на ходу с себя промокший пиджак и накинул его на плечи старой барыни.

— Катерина Михална, вставайтя, ступайтя быстро под дерево, укройтеся тама, — заговорил он, пытаясь поднять барыню с земли, но та не подчинилась ему.

— Серафим, любимый, прости меня! Не сердись на меня, Серафим, я перед тобою ни в чем невиноватая! Я теперь живу далеко отсюда, а потому, Серафим, долго не могла прийти к тебе, — сквозь шум дождя услышал Гордей Никифорович причитания Екатерины Михайловны, ее лицо было мокрым от дождя и слез.

— Барыня, вставайте, а то не ровен час и захворать недолго, вставайте, Катерина Михална,— Гордей продолжал делать попытки поднять с колен Екатерину Михайловну, но один никак не мог сделать этого.— Марфа, помоги мне,— крикнул он жене. Вместе с Марфой Антоновной на помощь Гордею Никифоровичу бросилась и Софья. Все вместе они подняли Екатерину Михайловну с земли, подол ее платья был мокрым и, несмотря на то, что вокруг могилы Серафима Аркадьевича была разросшаяся густая трава, грязным. Екатерину Михайловну подвели под ветви березы, и все вместе прижались к стволу дерева, но это не спасало их от ливня.

Проливной дождь лил с четверть часа, затем стал постепенно ослабевать, небо просветлело, из-за туч выглянуло солнце, и дождь ушел в сторону Верхоупья, окрашив напоследок небосвод радужным разноцветьем. Промокшие до нитки Рязановы и Фроловы постояли еще небольшое время под кронами березки, затем перекрестились, поклонились могиле Серафима Аркадьевича и направились к подводе. Мокрая лошадь отфыркивалась и щипала омытую дождем траву.

— Дождь-то нынче быстро прошел, а я подумал, что теперча надолго затянет,— поешиваясь, произнес Гордей, усаживаясь в телегу. На могилку сына Фроловы в этот раз решили не ходить, так как все были вымокшие от дождя.

Обратная дорога на Птань показалась короче, приехали быстро и, войдя в избу, Гордей Никифорович затопил печь.

— Сейчас, барыни, потеплее будет. Сейчас печку затопим, и вы согреетесь, да и одежду свою просушите,— проговорил он, подкладывая в печь дрова.

У Екатерины Михайловны начался кашель. Первые его признаки проявились еще на обратной дороге от Никольского. Тогда, сидя в телеге, Катерина Михайловна тихонько и редко покашливала, а потому на ее кашель никто не обратил никакого внимания, а сейчас, в избе Фроловых, ее кашель усилился, стал громким и с гудом. И чем чаще у нее стал проявляться кашель, тем тяжелее ей становилось дышать. Софья не на шутку испугалась за мать.

— Ничего, ничего, барышня, вот сейчас печка протопится, ваша матушка согреется, и кашель от нее отступит,— начал успокаивать Гордей Никифорович Софью.

Но кашель не отступал. Вдобавок ко всему у Екатерины Михайловны поднялась температура, и у нее начался озноб. Марфа Антоновна долго копалась в сундуке, а затем достала из него свою одежду.

— Не побрезгуй, Катерина Михайловна, она чистая, я ее только тритедни как постирала,— сказала она, протягивая Екатерине Михайловне свежую одежду, а мокрую одежду Екатерины Михайловны разложила на печи для просушки.

Софья не стала переодеваться. Она отказалась от предложенной ей одежды и, подойдя к еще не успевшей прогреться печи, прислонилась к ней спиной, заложив руки за спину. Трясущуюся словно при лихорадке Екатерину Михайловну прямо в одежде уложили в кровать и накрыли теплым лоскутным одеялом, но это не помогло, ее продолжало трясти. Гордей постоял некоторое время в раздумье, почесал голову, а затем достал свой зимний тулуп и укрыл им Екатерину Михайловну. Та успокоилась, задышала ровнее и то ли уснула, то ли впала в забытие.

— Ну вот, барышня, матушка ваша, похоже, уснула. Сейчас поспит и вся хворь от нее отступит,— сказал Гордей, обращаясь к Софье. Затем перевел взгляд на жену.— Чего стоишь, как укопанная? Иди, накрывай на стол, чай не видишь, что барышня проголодалась?

— Нет, нет, я не голодна, спасибо вам, Гордей Никифорович,— запротестовала Софья, но Гордей взмахом руки дал понять, что спорить с ним бессмысленно, и Марфа Антоновна начала хлопотать у стола.

Софья была встревожена состоянием матери, но до поры скрывала свои чувства, до той поры, пока Катерина Михайловна не начала на кровати метаться и что-то

бормотать. Все прислушались к ее словам. «Серафим.... Не сердись... никого, Серафим... Володенька, там Сонечка... Володенька, не уходи, я все знаю... и Сонечка тоже... я не хочу... там, в Евангелие», — бессвязно проговаривала она слова, при этом тулуп и одеяло были сброшены ею на пол. Вся мокрая от пота, Екатерина Михайловна металась на кровати, растрепанные седые волосы закрывали лицо, к взмокшему телу липла одежда. Она мотала головой из стороны в сторону, облизывала языком пересохшие губы и стонала.

— Бредит... видать, жар у ей сильнай, надоть за лекарем идтить, — вполголоса проговорила Марфа Антоновна. — Господи, боже ты наш, спаси нас грешных, сохрани и помилуй, — крестясь, запричитала она. Затем повернулась к мужу. — Гордей, иди за лекарем.

Тот покивал головой и вышел из избы. Перепуганная Софья взяла табурет, присела у изголовья матери и взяла ее за руку.

— Мамочка, миленькая моя, посмотри на меня... ну, пожалуйста, посмотри на меня, — просила Софья, прижав материнскую руку к своим губам и целуя ее, но Екатерина Михайловна не слышала дочь, она продолжала бессвязно выговаривать слова и, словно огнем, рукой обжигала Софье губы.

«Там... яма... там... твоя кровать... Володенька, там яма... Серафим там яма, Серафим... Сонечка, мне страшно», — говорила Екатерина Михайловна.

— Мамочка, миленькая моя, не бойся ничего, я с тобой, я здесь, рядом, — тихо говорила Софья со слезами на глазах.

Марфа Антоновна тоже плакала.

— Дык, куда ж енто Гордей-то делся? Чай провалился он, что ли? Чего ж он лекаря-то никак не приведет?! — возмутилась она. Затем смочила холодной водой рушник и приложила его ко лбу Екатерины Михайловны. — Щас, щас, Софья, маме твоей полегше будет.

Гордей возвратился через полчаса. Прошел в избу и остановился молча.

— Ну, что стоишь-то как истукан? Лекарь-то где? — не выдержала Марфа.

— Нету лекаря, — ответил Гордей и, словно был виноват в том, опустил голову.

— Как нету?! А куда ж он делся? — удивилась Марфа.

— Взяли его на войну, чтобы раненых лечил, — ответил Гордей, и после его слов все замолчали.

— Ах ты, господи, боже наш, чего же это они последнего лекаря у нас забрали?! — всплеснула руками Марфа. — Нужлишь других лекарей у них не нашлося? Ах ты, господи боже наш... Чего же теперча делать-то? — запричитала она.

Екатерина Михайловна тем временем успокоилась. Намоченный водой и приложенный ей ко лбу рушник помог, и она уснула.

Марфа Антоновна порадовалась этому и пошла накрывать на стол.

— Иди, сядь, поешь, — шепотом, боясь разбудить Екатерину Михайловну, предложила она Софье, но та отказалась.

Повздыхав, хозяйева ушли заниматься своими домашними делами. Они выходили из избы и вновь возвращались, периодически подходили к кровати, глядели на Екатерину Михайловну — не проснулась ли — и, убедившись, что спит, вновь уходили по своим делам. Софья все это время продолжала оставаться рядом с матерью. Ближе к вечеру, когда Фроловы уже завершили свои дела, Екатерина Михайловна проснулась. Приподняла голову, осмотрелась.

— Мамочка, ты проснулась. Как ты себя чувствуешь? Я очень за тебя испугалась, тебе лучше? — спросила Софья, припадая к матери и обнимая ее.

— Да, Сонечка, мне лучше, — ответила дочери Екатерина Михайловна, однако продолжая при этом тяжело и хрипло дышать.

— Барыня проснулась,— проговорил Гордей, обращаясь к хлопотавшей у печи жене.— Надо бы ее покормить.

— Да, да, я сейчас покормлю ее,— ответила мужу Марфа и, подойдя к кровати, взглянула на Екатерину Михайловну — Проснулась, Катерина Михайловна? Я сейчас... я тут молоко вскипятила...сейчас и хлебушка... горячего молочка-то... глядишь, хворь и отступитца,— начала бормотать Марфа, продолжая хлопотать у печи.

— Спасибо тебе, Марфа, но я не хочу.

— Трохи поесть надоть, да и Софье тоже надоть поесть,— начала настаивать Марфа, поднося Екатерине Михайловне налитое в крынку молоко и кусок хлеба.— А ты чего стоишь? Иди к столу, ешь,— сказала она, обращаясь к Софье.

Та немного поела, а Екатерина Михайловна вновь отказалась от пищи.

Ближе к вечеру, когда хозяева по своим домашним делам вышли из избы, Екатерина Михайловна подозвала к себе Софью.

— Сонечка, не видела ли ты мой узелочек? Он был спрятан в рукаве платья, а где он теперь, я не знаю.

— Он у меня, мама. Когда ты переодевалась в одежду Марфы Антоновны, то отдала его мне, чтобы я его спрятала. Вот он,— Софья достала из нарукавного манжета платья небольшой узелок и протянула его матери, но та отвела от себя руку дочери.

— Не нужно, оставь себе,— тихим и хриплым голосом проговорила она.— Я в него завернула немного денег на дорогу, тебе их как раз хватит доехать до Ельца. Еще я в узелке спрятала перстень. Его еще твоя прабабушка носила. Это наш фамильный женский перстень, он передается по наследству, от поколения к поколению по женской линии. Теперь, Сонечка, я передаю его тебе, отныне этот перстень — твой,— Екатерина Михайловна разволновалась, ее бледное лицо покрылось красными пятнами, дыхание стало хриплым и частым.— Постарайся сберечь его, но уж если будет очень трудно, то... продай,— последние слова дались Екатерине Михайловне особенно тяжело. Она замолчала, откинулась на подушку и прикрыла глаза.

— Мамочка, а ты... — поняв причину, из-за которой Екатерина Михайловна передает ей перстень, Софья заплакала.— Мамочка, не надо...

— Не перебивай меня... мне очень тяжело говорить. Слушай и запоминай. Если доведется встретиться с Володей, то скажи ему, что я его очень любила, а ты...

— Мамочка, зачем ты так говоришь?! Не надо так говорить! — Софья прижала руки к груди, слезы потекли по ее щекам.— Мамочка, миленькая моя... не надо, прошу тебя, не говори так.

— Не перебивай меня и слушай. А ты, если встретишь хорошего человека, выходи за него замуж,— продолжила говорить Екатерина Михайловна. Переведя дух, она замолчала, и стала пристально смотреть на дочь, словно старалась запомнить ее. И Софья тоже молчала и смотрела на мать. И это молчание продолжалось довольно долгое время.— Подойди ко мне,— наконец-то произнесла Екатерина Михайловна. Софья подошла к матери и склонила к ней голову.— Прости меня, если когда-то и чем-то обидела тебя,— Екатерина Михайловна тяжело задышала.— Будь счастлива, Сонечка, храни тебя Бог! — выдавила она из себя и, осенив Софью крестным знаменем, поцеловала ее в лоб.— А теперь иди, ложись спать, и я тоже посплю, а то я очень устала,— Екатерина Михайловна прикрыла глаза и отвернулась от дочери. Но Софья не отходила от матери. Наоборот, она присела на край кровати.

— Мамочка, миленькая, обещаю тебе, что мы с тобой обратно в Елец вместе поедим? Обещаешь? Ведь ты не оставишь меня здесь одну? — со слезами на глазах начала спрашивать у матери Софья.

— Обещаю,— тихо произнесла, почти простонала Екатерина Михайловна.— Иди спать, и я тоже посплю... я очень устала,— еле слышно проговорила она.

Софья укрыла мать одеялом и ушла. Забралась на печь, но уснуть долго не могла. Еще не спала, когда в избу со двора вернулись хозяева, подошли тихонько на цыпочках к лежавшей на кровати Екатерине Михайловне, заглянули ей в лицо и, убедившись, что спит, заговорили друг с другом шепотом. Уснула Софья после того, как Марфа Антоновна, помолившись на ночь, погасила маленький огонек лампадки, и комната наполнилась густой чернотой.

Этой ночью Екатерина Михайловна умерла. Ее остывшее тело обнаружила рано утром Марфа. Она начала было голосить по-бабьи, но вскочивший с лавки Гордей пресек ее.

— Тихо ты, баба! — полупшепотом прикрикнул он на жену. — Тихо! Барышню напугаешь! Иди, разбуди ее, но только тихонько, — приказал он.

Спросонья Софья не сразу поняла, о чем говорит ей Марфа Антоновна, а когда окончательно проснулась и до нее дошел смысл услышанного, ее охватил ужас. Она буквально спрыгнула с печи и на ватных ногах подошла к мертвой матери. Екатерина Михайловна лежала на спине со сложенными на груди руками. Ее обескровленное лицо было спокойным и умиротворенным, и Софье показалось, что мать спит. И лишь слегка заострившийся кончик носа выдавал в Екатерине Михайловне усопшую. Софья подошла к матери ближе и, пересилив себя, дотронулась до ее руки. Тут же, словно обжигаясь о мертвенно-холодную руку матери, отдернула свою руку и в ту же секунду зарыдала и опустила у кровати на колени.

— Не плачь, Софья, не плачь. Ничего мы теперь слезами не исправим. Видно, так Богу угодно, — тихим голосом произнесла Марфа Антоновна, поглаживая ладонью Софье растрепанные волосы.

Похоронили Екатерину Михайловну вопреки христианским обычаям в тот же день рядом с мужем на Никольском кладбище. Пока Марфа Антоновна с соседской старушкой обмывали покойницу, Гордей отвез двух деревенских мужиков на кладбище и показал им место, где нужно рыть могилу, а сам вернулся домой. Покряхтывая, влез на чердак и, вздыхая, стащил оттуда дубовый гроб.

— Для себя домовину берег, да, видать, рановато мне еще. Видать, придется еще поглазеть на свет божий, пока для себя новую домовину не срублю, — с сожалением в голосе проговорил он.

За неимением посмертного белья хоронили Екатерину Михайловну в ее поношенной одежде, лишь вместо шляпки с вуалью повязали ей на голову Марфин новый платок. Пока сама Марфа готовила для поминок кутью, Гордей уехал в Сергиевское за священником. Софья стояла у гроба матери и под мерцание свечи слушала, как неизвестная ей местная старушка читала Псалтирь. По приезду Гордея Никифоровича и священника, гроб загрузили в телегу и увезли в Никольское. Священник отпел Екатерину Михайловну и предал ее тело земле. Софья уже не плакала — выплакала все слезы, лишь при прощании с матерью упали несколько капелек слез на материнское лицо в то время, когда она нагнулась над гробом, чтобы поцеловать ее лоб, да когда закапывали ее мужики, смахнула Софья с ресниц наворачнувшиеся слезы.

Всю обратную дорогу на Птань Софья сидела в телеге, опустив голову, ни с кем не разговаривая. Она находилась в удручающем состоянии, совершенно не представляя себе свое возвращение в Елец без матери, не зная, как обратно добираться до Ельца, да и вообще, не понимая, как жить дальше?! По возвращении с кладбища Гордей Никифорович затопил печь, а Марфа Антоновна затеплила лампадку и пригласила всех к столу помянуть усопшую.

— Что теперча думаешь делать, Софья? — жуя кутью, спросил у нее Гордей Никифорович.

— В Елец поеду, — вздохнув, ответила та.

— А хоть и у нас оставайся, живи с нами. Своих детей у нас теперча нету, вот и будешь нам с Марфою дочкой,— предложил он.

— Спасибо вам, Гордей Никифорович, но я поеду в Елец к дяде.

— Ну, гляди, как знаешь.

— До Ельца дорога-то не близкая, как же ты добираться будешь? — спросила Марфа Антоновна.

— Я не знаю... как-нибудь доеду,— Софья пожала плечами.

Ей не хотелось ни с кем разговаривать, хотелось побыть одной. Но у нее не было такой возможности. Встать из-за стола и выйти из дома она не могла, боялась, что Гордей Никифорович и Марфа Антоновна это воспримут как дерзость, неуважение и даже барское высокомерие к ним, к простолюдинам. И не поддерживать разговор с радушными хозяевами она тоже не могла, а потому продолжала сидеть за столом и отрешенно отвечать на вопросы. Гордей Никифорович внимательно взглянул на жену, а затем перевел взгляд на Софью.

— Ну, в Ехрем я тебя отвезу, а там сядешь на поезд,— сказал он.

— Спасибо вам,— тихо ответила Софья.

Спать в этот вечер она легла рано, но долго не могла уснуть. Уже когда засопели во сне хозяева, когда вволю налаялись и замолчали в крестьянских дворах деревенские собаки, и когда на темном небосводе взошла круглоликая луна, на Софью навалился крепкий и глубокий сон. В эту ночь она во сне увидела лежавшую в гробу мать, но мать почему-то лежала с открытыми глазами и из гроба смотрела на Софью. Увидела свой горящий дом, а рядом с домом смеющегося отца. Еще ей снилось ее детство. Живые и радостные родители, они с братом, беззаботно играющие вместе с крестьянскими детьми в своем барском имени, снился укатившийся в пруд мяч и еще приснился, целующий ее в кустах, Сашка Тихонов. Затем Сашка куда-то ушел, а к пруду на коне прискакал Скворцов Николай. Конь стал пить воду из пруда, а Николай слез с коня, подошел к Софье и протянул ей руку.

Разбудил Софью рано утром Гордей Никифорович.

— Вставай, Софья, собирайся, я отвезу тебя в Ехрем, а то опосля мне некогда будет,— сказал он.

Софья поднялась быстро. Умылась под рукомойником, заправила волосы, отказалась от предложенного ей завтрака и вышла на улицу, где ее уже поджидал сидевший в телеге Гордей Никифорович. Марфа Антоновна сунула Софье в руку узелок с едой и перекрестила в дорогу. Софья поклоном поблагодарила Марфу Антоновну и села в телегу. Гордей подстегнул лошадь вожжами, и они выехали со двора. Почти сорок верст до Ефремова проехали, как показалось Софье, очень быстро, почти не разговаривая друг с другом. В Ефремове были после полудня, у здания вокзала Гордей натянул вожжи и остановил лошадь, Софья слезла с телеги, оправила платье.

— Ну что, Софья, может, все-таки, возвратишься назад и останешься жить с нами? — спросил он.

— Нет, я уже решила — поеду в Елец.

— Ну, тогда... ежели чего было не так, не поминай нас лихом... мы с Марфою — люди простые.

— Спасибо вам за все, Гордей Никифорович,— Софья поклонилась Гордею и медленной походкой направилась к дверям здания вокзала.

«Как же ты, девка, теперча одна-то жить будешь? Ни дома у тебя, ни заработка, ни людей близких с тобою рядом никаких нету. Ну да ладно, можа все образумится. Дай бог тебе счастья»,— мысленно рассуждал Гордей, провожая Софью взглядом. Дождавшись, когда она вошла в здание вокзала, он стеганул лошадь и отправился в обратный путь.

* * *

В этот раз в здании вокзала было не так многолюдно, как во время их с Екатериной Михайловной приезда. Софья осмотрелась, увидела открытое окошко кассы и подошла к нему. Беззаботно достала из-за манжеты рукава платья узелочек с деньгами и, не осмотревшись по сторонам, развязала его.

— Мне один билет до Ельца,— сказала она, протягивая кассиру деньги. В другой руке она держала два узелка — один большой, с едой, а другой, маленький, в котором находился перстень.

Кассир, средних лет полноватый мужик с рыжими усами и бакенбардами, взглянул на Софью удивленно.

— Нынче до Ельца поездов нету, не ходють,— сказал он.

— Как это нету? — удивилась Софья.— Почему не ходят? — спросила она.

— Не ходють из-за вагонных нагромождений на станции Бабарькино и из-за обострения обстановки на южном фронте,— ответил ей кассир.

— А когда же они будут ходить?

— Когда будут расчищены на путях нагромождения и улучшится обстановка на южном фронте.

— А... а когда она улучшится? — невпопад спросила Софья.

— А кто ее знает, когда оно все это улучшится?! — пожал плечами кассир.

Софья отошла от окошка кассы и остановилась в нерешительности. Она не знала, что ей нужно делать и как поступить в сложившейся ситуации. Она вновь беззаботно развернула узелок и убрала в него деньги. Она совершенно не обращала никакого внимания на окружавших ее людей, и не заметила, как стоявший поодаль от нее длинный худощавый мужик с густой черной бородой и лохматой головой внимательно наблюдал за ней. Наблюдая, он успел хорошо рассмотреть в узелочке и деньги, и перстень. Дождавшись, когда Софья спрятала узелочек за манжету, он отошел от нее и направился к стоявшему у окна низкорослому бородатому мужику с такой же, как и у него, лохматой головой.

— Вон та рыбка с икрой,— тихим голосом процедил сквозь зубы длинный, указывая взглядом на Софью.

— Понял, не своди с нее глаз,— также тихо ответил ему низкорослый и отвернулся к окну.

Побыв еще некоторое время на вокзале, Софья вышла на улицу и направилась в церковь Покрова, где они с Екатериной Михайловной провели ночь по приезде в Ефремов, в надежде получить помощь от отца Александра. Софья уже хотела войти в церковь, как из нее фактически навстречу ей вышел пожилого возраста мужчина. Он запер дверь на замок и, увидев стоявшую рядом Софью, взглянул на нее.

— Тебе чего надо? — спросил он.

— Мне нужно увидеть отца Александра,— ответила ему Софья.

— Нету его.

— А где же он?

Мужчина немного помолчал, осмотрел Софью с головы до ног, затем огляделся вокруг и, понизив голос, ответил:

— Должно быть в тюрьме. Забрали его.

— Как в тюрьме? За что забрали?

— Сын его к белым сбег. Ежели он тебе дюже нужен, то ступай в тюрьму, можа, там разрешат тебе с ним повидаться. Назовешь там его фамилию — Лампадьевский, чтобы не спутали, а то там нынче много священников сидят.

Отойдя от церкви, Софья остановилась. Теперь идти ей было совершенно некуда. Постояла немного в раздумье и бесцельно побрела медленной походкой по улице.

Было около двенадцати часов пополудни, день стоял теплый и безветренный. Мимо Софьи шли люди. Они спешили по своим делам, и никому до нее не было никакого дела. Никому, кроме двух бородатых с лохматыми головами мужиков, один из них был высоким, а другой низкорослым. Так же, как и Софья, они шли неспешной походкой от здания вокзала и внимательно наблюдали за ней. Наконец, выждав удобный момент, когда уже заканчивалась улица и рядом с Софьей никого не было, они ускорили шаг и вплотную подошли к ней. Низкорослый остался позади нее, а высокий забежал вперед, преградил ей дорогу и достал нож.

— Деньги давай и драгоценность! Быстро! Не то зарежу! — тихо и зловеще сквозь зубы процедил он и направил лезвие ножа к лицу Софьи.

Та испугалась и что было силы закричала: «Ма-а-ма-а-а-м-м-м...», — стоявший сзади нее низкорослый зажал Софье рот грязной, пропахшей табаком ладонью. Софья замотала головой из стороны в сторону и начала отбиваться от напавших на нее мужчин. Изловчившись, она укусила за палец грабителя. Тот взвыл от боли и затряс рукой. «Ма-а-а-ма-а-а», — вновь закричала Софья.

— Ах ты, жучка, ты еще кусаться вздумала, — вскричал находившийся позади Софьи грабитель и с силой ударил ее рукой по лицу. Софья упала и ударилась коленом о камень, узелок с едой выпал из ее рук. Грабитель еще раз ударил Софью по лицу, а затем схватил ее за волосы и начал волочить по земле из стороны в сторону. Софья закричала от боли и ухватилась за руки грабителя. В этот момент бывший впереди высокий грабитель схватил Софью за рукав платья, где за манжетой были спрятаны деньги и перстень, и с силой рванул. Послышался треск рвущейся материи, и в тот же миг в его руке вместе с манжетой оказался заветный узелочек.

— Силантий, деньги и драгоценность у меня, бежим! — крикнул он, и в ту же секунду оба грабителя побежали от Софьи. Один из них, тот, которого звали Силантием, пробегая, на ходу наступил сапогом на узелок с едой и раздавил находившиеся в нем картофелины.

Софья, в перепачканном и рваном платье, с растрепанными волосами, окровавленным коленом и разодранным на колене чулком, сидела на земле и плакала в голос. «Ой, мамочка моя... ой, мамочка моя...», — причитала она сквозь слезы, слюнявя грязный палец и прикладывая его к ранке на колене, пытаясь таким образом унять боль. Посидев немного и чуть успокоившись, она поднялась с земли и, прихрамывая на больную ногу, пошла на вокзал. В здании было немногочисленно, в основном находились красноармейцы. Софья отошла в дальний от входа угол и присела на лавку. Не имея ни угла, ни денег, ни куска хлеба, к тому же лишившись перстня, который был для нее дорог как память о матери, Софья не знала, что делать, к кому обратиться за помощью, а потому прикрыла лицо ладонями и горько заплакала. Вытирая руками слезы, она не сразу обратила внимание на остановившегося рядом с ней красноармейца. Увидев перед собой обутые в ботинки с обмотками до колен ноги, она подняла голову. Перед ней стоял Николай Скворцов.

— Это вы, барышня? — удивленно разглядывая Софью, спросил он. Софья ничего не ответила ему, лишь вновь прикрыла ладонями лицо и пуще прежнего заплакала. Плакала она навзрыд, как плачут маленькие дети. — Почему вы в таком виде и плачете? Вас кто-то обидел? Что с вами случилось? — начал спрашивать Николай.

— Моя... мама... вчера... умерла, — начала отвечать ему Софья, всхлипывая при каждом слове.

— Терять своих родных — это, конечно, дуже горько. Я это и сам знаю по себе, — после недолгого замешательства изрек Николай. — Но почему вы вся грязная, с растрепанными волосами и в рваном платье?

— У меня... дядьки... деньги отняли... и мамин перстень.

— Какие дядьки?

— Лохматые и с бородами.

— Как их зовут и где они живут, вы их знаете? — спросил Николай. Софья отрицательно покачала головой. — Значит, вас все-таки обидели, — скорее констатировал Николай, нежели спрашивал у Софьи.

— Николай, мне... надо уехать... в Елец к дяде, но у меня... теперь нет денег, помогите... мне, пожалуйста, туда... как-нибудь уехать, — попросила Софья. Она уже перестала плакать, немного успокоилась и лишь изредка при разговоре всхлипывала.

— Я вам, барышня, в этом вопросе ничем помочь не смогу. Елец захвачен белыми. Они от станции Бабарыкино не пошли на Ефремов, а повернули на Елец и захватили его, а на самой станции на путях лежат искореженные паровозы с вагонами. Вот рассчитим пути для проезда поездов, освободим Елец, тогда и поедете к своему дяде. А пока идите домой, — ответил Николай на просьбу Софьи, но та продолжала сидеть, опустив голову, и Николай понял, в чем дело. — Вам что — идти некуда? — спросил он.

— У меня в этом городе никого нет. Мы с мамой приезжали на Птань, где у нас было име... — Софья хотела было сказать «имение», но оборвала себя на полуслове, — где мы раньше жили. Мы туда ездили, и там умерла моя мама, а мне теперь идти некуда, — Софья вновь заплакала.

— Ну, будет вам, барышня, будет слезы-то лить, — Николай замолчал, задумался. — М-да, ну и загадку вы мне загадали, — произнес он и, сняв шапку-шлем, начал чесать в затылке.

— Вы идите, Николай, а я тут пока посижу, — вздохнула Софья.

— Здравсьте-пожалуйста... идите. Никаких таких идите, буду думать, как вам помочь, — произнес Николай и замолчал. Спустя минуту, изрек: — Поднимайтесь, пойдете, — но тут же увидел окровавленное колено Софьи и остановился. — А это что у вас, рана? — спросил он. И не дожидаясь ответа, повернулся к стоявшей поодаль группе красноармейцев. — Иванов! А ну, санинструктора сюда, живо.

— Слушаюсь, товарищ командир, — ответил Иванов и скрылся среди красноармейцев.

Санинструктором оказалась круглолицая и полноватая средних лет женщина. Одея она была в красноармейскую гимнастерку и солдатские галифе, только вместо ботинок с обмотками обута была в сапоги. На голове повязан платок, а на плече у нее висела сумка с красным крестом. Она обработала Софье рану на колене и перевязала бинтом.

— Все в порядке, до свадьбы заживет, — сказала она грубым прокуренным голосом и громко засмеялась. Стоявшие рядом красноармейцы, бесстыдно рассматривавшие оголенную до бедра Софью ногу, тоже засмеялись.

— А ну, отставить скалиться! — прикрикнул на них Николай, увидев, как Софья смутилась от солдатского смеха и начала натягивать на колено платье. — Разойтись! Всем привести в порядок себя и оружие! По возвращении каждого лично буду проверять! — приказал он.

Продолжая зубоскалить, красноармейцы нехотя направились в сторону дверей вокзала. — Вы тоже — свободны! — повернулся он к санинструктору.

Та ухмыльнулась криво одними губами, обвела Софью внимательным взглядом, как бы оценивая ее внешность, и направилась к остановившимся у двери красноармейцам. Что-то им тихо сказала, и те вновь загоготали. Николай взглянул на них недобро, но промолчал. Поправил ремень, кобуру с револьвером и перевел взгляд на Софью.

— Пойдемте, барышня, со мной, — сказал он.

Выйдя из здания вокзала, Николай зашагал быстрым шагом, Софья пошла за ним, прихрамывая на большую ногу.

— Вы, барышня, не отставайте, мне долго отсутствовать нельзя,— полуобернувшись к ней, на ходу произнес Николай, увидев, что Софья отстала от него.

— Меня Софьей зовут.

— А меня — Николаем.

— Я знаю.

Долго шли по улице и наконец-то зашли в маленький с низкими оконцами деревянный дом. В доме пахло вареной картошкой, хлебным квасом и затхлостью подгнившей древесины. Дом был разделен на две половинки перегородкой, образуя две небольшие отдельные комнатки, занавешенные друг от друга шторой. В дальней комнатке у окна стояла кровать, рядом деревянный со спинкой стул. В этой комнате жил Николай, а в другой жила хозяйка дома — семидесятилетняя Анна Тарасовна. Она находилась дома и, увидев вошедшего Николая с незнакомой ей девушкой, вышла им навстречу.

— Баба Нюра, это Софья,— с порога произнес Николай, указывая на Софью.— Она пока поживет на моей половинке,— тоном, не терпящим возражения, продолжил он.

Баба Нюра, маленького роста старушка со сморщенным лицом и руками, покивала головой.

— А мне-то что, пушай живеть. Сам-то спать с ею будешь, ай нет? — спросила она, пожевав губами.

— Я пока в сенцах посплю,— подумав несколько секунд, ответил Николай и повернулся к Софье.

— Я у бабы Нюры на квартире стою, так что вы, Софья, особливо ни о чем не переживайте, живите тут сколь нужно. А как мы Елец у белых отобьем, так вы сразу и уедете к своему дяде,— сказал Николай и вновь обратился к Анне Тарасовне.— Баба Нюра, там у нас еды еще немного осталось, покорми Софью, а то она, небось, ничего не ела. Ну, а мне пора на станции быть,— сказал он и направился к двери.

— Нет, нет, что вы, не надо, я не голодна,— запротестовала Софья, но Николай перебил ее.

— Вы, Софья, со мною не спорьте. Мой постой в доме бабы Нюры оплачивает наша Красная армия, а продукты у нас с нею общие, из моего командирского жалования. Так что ешьте все, чем баба Нюра вас угощать будет,— сказал он и вышел из комнаты.

— Спасибо вам большое, Николай,— громко сказала Софья, надеясь, что Николай, хотя и в сенцах, но все же услышит ее.

После его ухода Софья с удовольствием поела приготовленную бабой Нюрой трапезу, а поев, рассказала ей все, что с ней произошло за последнее время, однако скрыв от нее, что она — дворянского происхождения.

— Да-а-а, вот приехали вы с матушкой своею за семь верст киселя хлебать... — покачала головой Анна Тарасовна.

— Скажите, баба Нюра, а вам Николай рассказывал о своем брате или нет?

— Как же не сказывал-то, конечно, сказывал,— вздохнула Анна Тарасовна.— Будь она неладна, ента война. Колька в ентот раз всю ночь на кровати проплакал. Виду не подавал, что плачет, но я-то слыхала. Товарищи яво приходили к яму и успокаивали, даже вина яму предлагали, но он отказалси... сурьезнай он дюжа... бывалоча, так брови нахмурит, аж мне самой жутко становится. Хороший он, Колька... он у меня ужо почти с полгода как живет. Полубила я яво, как родного сына.

— Баба Нюра, а у вас что — родных нет никого?

— Сын мой идей-то на войне, а иде не знаю, давно яво не видала. Жив ли, нет ли, ничего о ем мене не известно. Ишшо дочька у меня есть, но тоже давно не видалиси. Она замужем и живет далече, а дед мой помер еще до германской войны. А ты, что жа теперь, выходит дело, тоже одна осталася?

— Почему одна? У меня дядя в Ельце живет. Еще есть брат, но он тоже где-то на войне,— вздохнула Софья.

Затем обе замолчали надолго, вспоминая своих родных, разбросанных войной неизвестно куда. Николай в этот день со службы вернулся поздно, но ни Анна Тарасовна, ни Софья еще не спали. Увидев пришедшего Николая, Анна Тарасовна засобиралась.

— Куда ты, баба Нюр, собралась? — спросил он у нее.

— Пойду к суседке схожу, у ей и заночую нынче, а ты ложись на мою постелю, неча в сенцах спать, чай не скотина ты.

— Опять на картах гадать будете?

— А чего же нам? Можя, и погадаем малость.

— Гадание — это, баба Нюр, все поповские предрассудки,— нахмутив брови, проговорил Николай, но Анна Тарасовна только улыбнулась его словам. Она постояла какое-то время у двери, пожевала губами и вышла из дома. Николай и Софья остались вдвоем.

После ухода Анны Тарасовны Николай молчал, и молчание то затянулось.

— А церковь, между прочим, тоже не поощряет гадания, считает это грехом,— наконец-то первой заговорила Софья.

— А? Что? Какая церковь? Вы это о чем говорите? — не понял Николай.

— Вы сказали, что гадание — это поповские предрассудки...

— А вы что же, не согласны со мною? Считаете, что гадание это не предрассудки?

— Я согласна с вами, Николай, что гадание — это предрассудки, но не поповские.

— А чьи же тогда?

— Церковь, она тоже против всякого гадания и считает гадание — грехом, идущим от лукавого.

— Вы, Софья, прямо, как моя маманя рассуждаете,— улыбнулся Николай.— Она тоже всегда говорила про грехи и про лукавого. Я-то ее особенно не слушал, а вот Акимка — тот, бывало, любил ее послушать... — вспомнив о брате, Николай замолчал, его глаза повлажнели, и он отвернулся от Софьи.— Идите, Софья, ложитесь спать. Шторку занавесьте и не переживайте, я в вашу половину не пойду,— сказал он.

Софье не хотелось уходить от Николая, ей хотелось еще поговорить с ним, но послушаться она его не могла, а потому поднялась со стула и пошла в выделенную ей половину дома.

— Спокойно ночи,— пожелала она ему, но тот не ответил ей.

В эту ночь ей долго не спалось. Она слышала, как Николай еще какое-то время ходил по дому взад и вперед, как разбирал постель, затем задул лампу, и за шторкой стало темно, услышала, как он впотьмах лег в постель, вздыхал какое-то время, а потом наступила тишина. Спал ли Николай или не спал, Софья не знала, но догадывалась, что он тоже, как и она, не спал. Незаметно для себя она провалилась в сон, но сон ее был неглубоким и чутким. Она то и дело просыпалась, вновь пытаясь уснуть, ворочалась с боку на бок, переживала от навалившегося на нее тревожного чувства, наконец, проснулась окончательно. В комнате было блекло от лунного света и тихо. За шторкой в другой половине избы во сне сопел Николай. Софья лежала с открытыми глазами и глядела в окно. Вдруг она услышала, как за окном что-то хрустнуло, словно сломали ветку дерева, и в тот же миг Софья отчетливо увидела в оконном проеме заслонившие лунный свет две мужские фигуры, причем, одна фигура была высокая, а другая — низкорослая. Фигуры подняли к лохматым головам руки, приставили их ко лбу козырьком и начали пристально всматриваться в глубину избы. Софья сразу узнала своих грабителей, и ее охватил ужас. Не помня себя от страха, она закричала что было силы. Фигуры моментально исчезли, а на ее крик проснулся

Николай. Он вскочил с кровати и опрометью бросился к кричавшей Софье, с силой сдернул штору. Софья сидела на кровати, натянув одеяло до подбородка, и продолжала кричать.

— Там... там за окном... они... те самые разбойники, что отняли у меня деньги и перстень... они там... за окном... — наконец-то выговорила она, указывая рукой в сторону окна.

Николай бросился на свою половину избы, где у него на кровати спинке висел ремень, выхватил из висевшей на ремне кобуры револьвер и в одном нижнем белье выбежал из дома. На улице заливалась лаем хозяйская собака, ее лай подхватили собаки соседних дворов, и в тот же миг вся улица наполнилась собачьим разноголосьем. У окна никого не было, и Николай вернулся в избу. Лампу зажигать не стал, в темноте убрал револьвер, подошел к Софье, та продолжала плакать.

— Николай, они там, за окном, я их видела, наверное, они хотят меня убить, я их очень боюсь, — захлебываясь слезами, тараторила Софья. — Николай, защити меня от них, — попросила она.

— Нет там никого, тебе, наверно, показалось, — произнес Николай, бросая взгляд на бледно-лунный свет в проеме окна. — Спи и не бойся никого, я рядом, — сказал он и попытался задержать штору, но Софья не дала ему это сделать. Она вскочила с кровати и бросилась к Николаю, дрожа всем телом, прижалась к нему, со страхом смотря на окно.

— Коленька, миленький, они там, не оставляй меня одну, прошу тебя, спаси меня от них, они меня хотят убить! — кричала она, от страха трепеща всем телом и называя Николая уменьшительно-ласкательным именем.

Тот растерялся. Не зная, как нужно поступить в сложившейся ситуации, он машинально поднял руки на уровне груди и прижал Софью к себе.

— Хорошо, хорошо, я никуда не уйду, не плачь только, — проговорил он, тоже перейдя на «ты».

Незаметно для себя они присели на кровать. Продолжая плакать и трястись, Софья еще сильнее прижалась к Николаю, и ему в этот момент вдруг стало жалко Софью. Жалко до такой степени, что он, не ожидая от себя самого подобных действий, прижал ее к себе и, успокаивая, начал гладить ей волосы, лицо, шею, коснулся плеча ее и, словно боясь раздавить его, нежно провел по нему ладонью. Ощувив в своих объятиях горячее и трепещущее тело Софьи, уловив тонкий запах ее тела, ее волос, у Николая откуда-то из глубины души возникло чувство то ли жалости, то ли сострадания, то ли еще чего-то таинственного, неизведанного им доселе и влекущего к ней. Это чувство Николаю вскружило голову, забила молоточками в висках, сдавило горло и залихорадило тело. Оно заставляло прикоснуться к сокрытому, запретному и таинственному.

— Не плачь, Софья, и не бойся никого, я не дам тебя в обиду, я буду всегда рядом с тобою, — прерывисто и тяжело дыша, тихим голосом сказал он и еще крепче прижал Софью к себе.

Та успокоилась, перестала всхлипывать и, находясь в объятиях Николая, тоже почувствовала изменение своего душевного состояния. Ей уже не хотелось утешать Николая, как когда-то ей хотелось это сделать при первой их встрече на вокзале. Сейчас, напуганная до полусмерти, она увидела другого Николая, не плачущего и вытирающего слезы, а большого, сильного и смелого, готового в любую минуту прийти к ней на помощь и защитить ее не только от разбойников, но и от всех других жизненных невзгод. А потому, ощущая у своего уха его тяжелое и хриплое дыхание, слыша его тихий, словно колдовством обволакивающий ее сознание голос, ощущая на своем теле его руки, ей захотелось еще сильнее прижаться к нему, чтобы просить

у него защиты и помощи. Просить его вырвать из ее души все пережитые ею за эти дни горести и печали, и поселить в ее сердце успокоение и веру, надежду и любовь. Будучи в объятиях Николая, Софья продолжала дрожать всем телом, но дрожала она уже не от страха, а от других, нахлынувших на нее и заставивших трепетать ее сердце, чувств.

— Ты не бросишь меня? — шепотом спросила она.

— Нет, я буду всегда рядом с тобою,— также шепотом ответил он ей. В темноте при разговоре они почувствовали тяжелое и горячее дыхание друг друга и соприкоснулись губами.

Ночь была спокойной, безветренной. В Ефремовских садах уже созрели яблоки. Налившиеся соком, они отрывались от яблонь и, прошелестев по листьям веток, падали к подножиям деревьев, а падая, лопались, обдавая округу своими ароматными запахами. Собаки уже уgomонились. Они улеглись возле своих будок на прохладной земле и, высунув из пастей языки и часто дыша, спали одним глазом, другим не переставая охранять хозяйские территории. В росистых травах пели свои ночные серенады сверчки, было тихо, город спал. И в этой тишине Николаю и Софье стало казаться, что во всей Вселенной они остались вдвоем, что во всем белом свете никого нет и ничего не существует, и их священнодействию никто и ничто не сможет помешать; да и не было в этот момент той силы, способной помешать им, и лишь одна бессовестно заглядывающая в небольшое окошко бледноликая луна стала свидетельницей их сокровенной тайны — тайны соединения двух молодых и горячих сердец.

Ночь прошла быстро. Не успели и глаз сомкнуть, как на востоке уже занялась заря. Николай едва задремал под утро, но тут же встрепенулся, встал с кровати, взглянул на Софью. Она лежала, подперев голову рукой, и смотрела на него.

— Выходит дело, мы с тобою теперь вроде как муж и жена? — спросил он, и Софья слегка смутилась от сказанного им. И в тот же миг приподнялась на кровати и, обняв Николая, притянула его к себе.— Пусты, Софья... ну не дури, слышишь? Пусты, мне некогда, мы нынче выходим в поход на Елец,— заговорил Николай, освобождаясь от объятий Софьи.

— Коля, а нельзя тебе остаться и не ходить в этот поход? — спросила она, освобождая Николая из своих объятий и поднимаясь с кровати.

— Нельзя. Я же командир, а потом, ты же знаешь... я должен отомстить за Акиму,— ответил ей Николай, тоже поднимаясь с кровати.

— Будь осторожным, прошу тебя.

— Не волнуйся за меня. Вышибем белых гадов, и я вернусь.

— Я буду ждать тебя.

— Не провожай меня,— приказал Николай, выйдя за порог. Софья остановилась. Николай развернулся, обнял ее за плечи и притянул к себе. Они поцеловались.

Через два часа из Ефремова вышел сводный в несколько сотен штыков, вооруженный ружьями и пулеметами, конно-пеший отряд красноармейцев. Поднимая сапогами, ботинками и конскими копытами еще дремавшую дорожную пыль, он направился вдоль железнодорожного полотна в сторону станции Бабарькино...

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

И ВСЕ-ТАКИ...

Потапов был ошеломлен новостью, хотя, если проанализировать, к этому все шло. Год назад Иван Федорович уволился из органов безопасности, где прослужил тридцать лет и дослужился до полковника. Последние десять лет работал начальником городского отдела ФСБ. Практически он и создал в девяностые годы этот отдел в городе, который после развала Союза вдруг стал приграничным. Набрал молодых пацанов и с утра до позднего вечера учил их не только контрразведке, но и, как говорят в народе, уму-разуму. Иван Федорович не терпел пьяниц вообще, а среди подчиненных особенно. При каждом удобном случае он внушал молодым офицерам, что спиртное и творческий труд (а контрразведку он считал именно таким видом деятельности) — несовместимы. Но как он ни изоощрялся в воспитании молодежи именно в этом вопросе, а беда вот она — пришла. Отставник вспомнил прапорщика Александра Савченко, который десять лет был его водителем. Много времени они провели вдвоем в различных поездках, о чем только ни разговаривали — и всегда водитель разделял мнение своего командира. Но на последнем году службы полковника он его удивил. Когда в очередной раз в разговоре затронули тему выпивки, Савченко неожиданно заявил:

— Я с вами, Иван Федорович, во всем согласен, но вот в этом вопросе у вас есть недопонимание...

Полковник тогда осуждающе хмыкнул, но предпочел промолчать.

Выходя на пенсию, Потапов сдал дела приезжему подполковнику, который оказался откровенным пьяницей. Уже на второй день пребывания в отделе новый начальник провел с офицерами совещание и в завершении ультимативно потребовал:

— Отдыхать тоже надо уметь. Теперь порядок такой: каждую пятницу после работы собираемся бухать. Кто будет уклоняться — тот гадюка...

И вот только что Потапову позвонил один из сотрудников отдела и сообщил печальное известие: ночью, будучи в нетрезвом состоянии, двое оперработников выехали на автомашине на встречную полосу — и в результате ДТП один погиб, а второй если и выживет, то останется калекой. Не успел Иван Федорович горестно поцокать языком и осмыслить происшедшее, как мобильник снова запел. По высветившемуся номеру Потапов понял, что звонит его бывший водитель.

— Саша, здравствуй,— угрюмо сказал полковник.

— Здравия желаю, Иван Федорович! Вы знаете, какое у нас ЧП? — раздался возбужденный голос Савченко.

— Уже доложили, — Потапов тяжело вздохнул.

— И все-таки вы были правы...

Эту фразу Потапов уже слышал раньше от другого человека. И та, другая история, вспомнилась ему, когда он закончил телефонный разговор с прапорщиком. Память похожа на лестницу с подгнившими ступенями. С годами их становится все больше. Однако человек, сказавший когда-то ему точно такие же слова, как будто стоял перед глазами.

Это было еще в советские годы, когда майор Потапов работал старшим оперуполномоченным. Имелось тогда у него в производстве оперативное дело с окраской «антисоветская агитация и пропаганда с высказываниями ревизионистского характера», по которому проходил Самохин Юрий Николаевич — молодой симпатичный парень, сын майора милиции. После окончания военного училища он прослужил в армии три года взводным и по своей инициативе уволился. Учился заочно на историческом факультете университета. Был холост. Работал матросом-спасателем на пляже.

Контрразведывательную деятельность Потапов осуществлял по территориальному принципу, то есть на весь курортный городишко он был один и все вопросы, относящиеся к компетенции органов КГБ, висели на его шее, начиная от шпионажа и кончая непопулярной даже в среде чекистов статьи УК «клевета на советский государственный и общественный строй». Иван Федорович крайне редко заводил материалы с окраской «антисоветская агитация и пропаганда» и не слышал, чтобы этим увлекались его коллеги. Когда сегодня говорят, что за рассказанный политический анекдот в то время кого-то вызывали в КГБ — это элементарная клевета.

Потапов завел на Самохина дело потому, что тот вынашивал намерение создать оппозиционную партию и уже занимался поиском кандидатов в члены этой организации, чтобы коллективно вести борьбу за политические свободы. Узость его мысли увеличивала ее остроту. И с каждым днем он вел себя все активнее, даже написал тексты нескольких листовок. Это уже была не только болтовня, а действия, и подобного рода деятельность, надо было пресекать. Из полученной от агента, имевшего псевдоним «Цезарь», информации было понятно, что формой пресечения может быть только профилактическая беседа с вызовом в органы КГБ.

В те годы в приказах этого ведомства постоянно прослеживалась мысль о том, что чекисты должны бороться за каждого советского человека, который по каким-либо причинам оступился. Потапов знал, что политзаключенных во всей стране было менее сотни. Ну и ежегодно органы госбезопасности профилактировали семнадцать-восемнадцать тысяч человек за изменнические, националистические и другие, как тогда формулировали, политически вредные проявления. И это на страну с населением двести восемьдесят миллионов человек. Совсем немного... Разве профилактика не была действительно гуманной формой пресечения действий, которые могли нанести ущерб безопасности государства?

Однако нередко профилактическую беседу оказывалось не так — то легко провести. Требовалось задокументировать добытую оперативным путем информацию о действиях объекта, то есть получить от граждан заявления или объяснения. Именно эти официальные документы по действовавшим в ту пору приказам давали право вызывать объекта для беседы. И хотя срок ведения дела заканчивался, такими материалами Потапов не располагал. Иван Федорович мог обратиться к руководству и продлить срок ведения дела, но начальство на это всегда смотрело неодобрительно и требовало выдать на-гора конечный результат, то есть пресечение. Кроме того, продление расценивалось как низкий уровень профессионализма оперативного работника.

И вот Потапов получил информацию, что объекту стало известно о проявлении к нему интереса со стороны органов госбезопасности. Неделю назад из милиции к Потапову поступил запрос в отношении Самохина: просили согласовать его допуск к нарезному оружию, так как он собирался устроиться охранником в тоннель. Потапов в допуске, естественно, отказал. Это стало известно бывшему сослуживцу отца проверяемого. Он-то и шепнул Юрию, что к чему. Самохин тут же прибежал к «Цезарю», рассказал, что, мол, так и так, и спросил, что теперь лучше делать. Агент ответил, что надо подумать и, расставшись с проверяемым, вызвал оперработника на внеочередную явку.

Получив эти данные, Потапов там же, на явочной квартире, пришел к выводу, что самый лучший, даже можно сказать идеальный, выход такой: Самохин должен прийти к нему по своей инициативе и покаяться в содеянном. Чтобы решить поставленную задачу, чекист придумал простенькую оперативную комбинацию: три человека, которым доверял Самохин, должны были убедить его в этом. Один из них, заведующий пляжем внештатный сотрудник органов КГБ Яровенко, являлся непосредственным начальником Самохина. Второй, друг покойного отца проверяемого, милицейский пенсионер Михайлов, с которым Иван Федорович установил доверительные отношения, рассказал о сути дела и попросил выполнить поручение органов. Третий — агент «Цезарь». Двадцать дней Яровенко, Михайлов и «Цезарь» независимо друг от друга капали на мозг Самохину, внушая ему, что всегда можно выйти из трудного положения, если знаешь, куда идти. И тот в итоге капитулировал.

В один из самых прекрасных для Потапова дней Самохин сам пришел в кабинет к чекисту. Венец любого греха — раскаяние. И он-таки покаялся. Отказ от своих убеждений должен быть юридически оформлен. Принесший повинную голову дал органам госбезопасности письменное обязательство не допускать в дальнейшем подобных действий. Они расстались довольные друг другом: Юрий Николаевич не ожидал, что с ним будут разговаривать достаточно мягко и даже ни разу не повысят на него голос, а Потапов был рад, что Самохин наконец-то пришел сам, и начальство чекиста по достоинству оценит его труд.

После этой памятной для обоих беседы они периодически виделись в городе, и Самохин всегда уважительно здоровался с Потаповым.

Но вот прошло два года, и времена стали кардинально меняться. Трещины, которые образовались в последние годы советской власти в фундаменте государства, расходились, и через них к власти пролезли прорабы перестройки. Началась активная подготовка к реставрации капитализма. В это время Самохин увидел в городе чекиста. У старых обид хорошая память. Юрий Николаевич не только в очередной раз уважительно поздоровался, но и позволил себе небольшую реплику:

— А зря вы меня тогда. Все-таки прав-то ведь оказался я...

— Поживем — увидим. Человеку свойственно ошибаться в том числе и в оценке своих ошибок, — ответил Потапов и пошел дальше.

Большому кораблю — большое крушение. Вскоре громадная страна развалилась, и под ее обломками до сих пор гибнут люди. А жизнь задает все новые вопросы. А, как известно, на вопросы, поставленные жизнью, существует острая конкуренция ответов. Попробуй разберись, какой из этих ответов правильный.

После падения советской власти профилактику, как одну из форм предупреждения и пресечения антигосударственной деятельности, новая власть отменила. Это, мол, ущемляет политические свободы граждан. Теперь государство ждет, когда, например, тысячи чеченцев уйдут с оружием в горы, чтобы там без суда и следствия расстрелять их и с земли, и с воздуха. Ведь, как известно, в нашем правовом государстве все права у государства.

В начале девяностых между Потаповым и Самохиным состоялся последний короткий диалог. Юрий Николаевич увидел на противоположной стороне улицы Потапова, перешел на его сторону, впервые осмелев, протянул руку и, поздоровавшись, громко сказал:

— Иван Федорович, и все-таки вы были правы! Что творится в стране? Ужас! Ну, я им еще покажу! — и погрозил кулаком в небо.

С тех пор Потапов не видел бывшего подопечного.

А совсем недавно он узнал, что Самохин арестован в Иркутске за попытку взрыва памятника Колчаку.

«РИХАРД»

Николай Привалов не был похож на русского человека. В разрезе глаз и овале лица просматривались его далекие предки, одни из которых жили когда-то в западной Европе, другие — на Ближнем Востоке. Но он ничего не знал о них и даже не догадывался об их существовании в прошлом.

Вечером, когда у него зазвонил сотовый телефон, номер не высветился. Он приложил трубку к уху и услышал:

— Завтра. Сорок четыре двенадцать сто шестьдесят семь,— четко сказал незнакомый мужской голос и отключился.

— Что за шутки? — спросил сам себя Николай и машинально вернул дешевенький телефон в карман.

Он не придал значения этому звонку, хотя и держал в памяти набор цифр. Добравшись до общежития и укладываясь спать, он вспомнил об этом звонке и стал размышлять о том, кто мог ему позвонить, и что означают эти цифры. Если это не шутка, значит, позвонили по поручению шефа, предположил Привалов. Теперь надо расшифровать, что означают эти цифры. Самое простое — это номер московского телефона (насколько ему известно, только в Москве семизначные номера) или номер мобильного и по нему надо позвонить завтра. Могут быть и другие варианты. Например, рейс самолета 4412, прилет в Ростов в 16 часов 7 минут. Или 44 поезд прибывает в 12 часов 16 минут, вагон 7. Может быть и более сложный ребус. Прежде чем размышлять дальше, Николай решил проверить выдвинутые версии. Он позвонил в аэропорт и на железнодорожный вокзал. Точно! Есть такой поезд. И время совпадает. Однако завтра надо на всякий случай позвонить и по телефонам, подумал Привалов и с чувством победителя лег спать.

На следующий день, первого июля, возле 7 вагона встретились двое: одному было чуть за двадцать, второй по возрасту годился ему в отцы.

— Здравствуйте, Сергей Иванович,— сказал молодой, пожимая руку старшему. По его глазам и выражению лица было видно, что он с нетерпением ждал этой встречи.

— Молодец — сообразил. Поздравляю с окончанием университета.

— Спасибо.

— Диплом получил?

— Позавчера.

— Ну и замечательно. Я буду краток и, может быть, не очень убедителен. Вот тебе билет до Волгограда и деньги на месяц из расчета сто рублей в сутки,— он протянул конверт.— Твой поезд через три часа. В Волгограде поселишься в квартире по адресу, указанному на конверте; ключ в конверте. В квартире будешь жить один. Через месяц с тобой свяжутся. Пароль «Вам привет от Сергея Ивановича из Ростова». Вопросы есть?

— Есть. Сергей Иванович, что от меня требуется. Что я должен за месяц успеть сделать?

— Ничего. Жить обычной жизнью. И ждать. В нашем деле это очень важное качество — научиться ждать. И еще: не расслабляйся; считай, что ты в командировке. Ну, Николай, удач тебе, постарайся использовать это время рационально; впрочем, о ценности времени мы уже говорили.— Он пожал руку собеседнику и покинул перрон так же быстро, как и появился на нем три минуты назад.

Николай Привалов сидел в вагоне и под стук колес размышлял. Почему в Волгоград, а не в другой город? И почему впервые не поставлено никакой задачи? Болтаться в незнакомом городе целый месяц, да еще на сто рублей в сутки. Могли бы дать и побольше. Сергей Иванович изучает его уже четыре года. Наверняка он знает о нем все, или почти все. Ему известно, что отца, братьев и сестер у него нет, что мать на зарплату сельского учителя не имеет возможности помочь ему. Знает и то, что все пять лет, пока он учился на юрфаке Ростовского университета, ему пришлось постоянно где-то подрабатывать. А может им и нужны такие? А впрочем, задачи, скорее всего, поставлены, но пока не озвучены. Мало ли что мог придумать этот Сергей Иванович. Мужик он толковый, интересный, мозг работает виртуозно, знает в совершенстве три языка, много лет работал за границей. К примеру, приеду в Волгоград, а там такого адреса нет. Что делать? Тогда надо выяснить, не переименовали ли улицу. Хотя такой ситуации, видимо, не предвидится; она уже была, когда его послали в Таганрог. Другой вариант: найду квартиру — ключ не подходит. Или в поезде сумку специально сопрут. Тогда предстоят дополнительные расходы на предметы первой необходимости. А как жить? Придется где-то подработать. Да и как это охарактеризует? Лопух, да и только. Да мало ли какие еще проблемы можно придумать. Привалов встал, взял сумку, стоящую под столиком, сунул ее в ящик своей нижней полки и пошел покурить. По пути в тамбур он обратил внимание, что свободных мест в вагоне не видно. Тогда почему в его купе два свободных места? Да и на купе расщедрились, ему хватило бы и плацкарты. Может, для того, чтобы лишний раз посмотреть на него свежим взглядом? Сосед-то у него не бабушка и не женщина с ребенком, а мужик; и по всему видно, что не из рабочих и крестьян. Правда, с первых минут пути на разговоры не напрашивается. А с другой стороны: стоит ли он того, чтобы на него тратили столько сил и средств. Наверяд ли...

Квартира в Волгограде оказалась однокомнатной, без следов проживания в ней. Стол, стулья, диван, кресло, телевизор, холодильник — вот и вся мебель. На столе телефон. Привалов поднял трубку и убедился, что телефон работает. В кухне было все необходимое для приготовления пищи, но продуктов не было. Николай сходил в магазин, купил кофе, сахару, немного других продуктов и вернулся в квартиру. Сварил кофе и сел в кресло. Обо всех поручениях Сергея Ивановича, которые приходилось выполнять, он всегда писал отчеты, подписываясь псевдонимом «Рихард». Он избрал именно этот псевдоним, потому что считал Рихарда Зорге лучшим разведчиком. О чем же он будет писать на сей раз? Он решил не ломать голову и ликвидировать проблемы по мере их поступления. Ясно одно: скорее всего через месяц зададут сотню вопросов и поэтому надо быть во всеоружии. На всякий случай, планировал «Рихард», соберу информацию о соседях; разработаю проверочные маршруты и выясню, нет ли слежки. Poiщу в квартире подслушивающие устройства. Под благоприятным предлогом схожу в квартиру этажом выше, осмотрю ее: нет ли там техники для визуального контроля надо мной. Познакомлюсь с достопримечательностями города. Во-первых, самому интересно, а во-вторых, могут прозондировать, насколько любознателен их подопечный...

Давно уже в жизни Привалова не предполагалось столько свободного времени, и поэтому он хотел почитать художественную литературу зарубежных классиков на русском языке. Честно сказать, он уже и забыл, когда делал это в последний раз. Все

свободное время он тратил на изучение одного из диалектов французского и художественную литературу читал только на французском языке. Пожилая француженка, с которой он занимался на конспиративной квартире изучением языка, была им довольна. К сожалению, в квартире Николай обнаружил лишь одну книгу. Это были «Северные рассказы» Джека Лондона. Специально подсунули, решил Николай, чтобы формировать у меня силу духа и стойкое отношение к трудностям. Да и знакомство с достопримечательностями Волгограда — это тоже в какой-то степени воспитание патриотизма.

На следующий день «Рихард» побывал на Мамаевом кургане, в музее-панораме Сталинградской битвы, увидел известный всему миру дом Павлова, прошел по набережной Волги и направился в центр города. В проходном дворе обратил внимание на мусорные ящики, в которых рылись двое потрепанных мужичков. Прошел через арку и вышел на проспект Ленина. На фоне иномарок и сияющих витрин сновали пешеходы, озабоченные не жизнью, а выживанием. Спустился в подземный переход. Мимо ставших уже привычными нищих равнодушно протекала людская река. «Сколько потерянных лиц на дороге жизни!», — вспомнил Николай где-то прочитанную фразу и отправился домой.

После ужина Привалов удобно устроился на диване и, получая неописуемое удовольствие от мысли, что у него еще куча свободного времени, открыл рассказы Джека Лондона. Мир суровых и мужественных людей захватил его. Он уже с сожалением констатировал, что непрочитанных страниц остается все меньше. Чтобы растянуть удовольствие, Николай сделал над собой усилие и отложил книгу. Ночью ему снилось белое безмолвие и гонки на собачьих упряжках. А утром Привалов решил никуда сегодня не выходить и снова погрузился в чтение. Как и все хорошее, книга быстро закончилась. На следующий день Николай зашел в «Книжный мир» и, отмахиваясь от голоса разума, купил семь книг Джека Лондона, потратив более тысячи рублей.

Незаметно пролетела неделя, затем вторая. Все запланированные мероприятия «Рихард» выполнил, а от Сергея Ивановича не было ни слуху, ни духу. В компании Джека Лондона Николай не скучал: казалось, что вместе с автором и его героями он прошел тяжелый путь по Юкону, задержался на несколько дней в Доусоне, а потом пустился дальше, ночуя вместе с собаками у костра; он даже чувствовал вкус жареного лосиного мяса, хотя раньше его никогда не ел. Может быть, это ощущение возникло в связи с тем, что у него заканчивались деньги. В его рационе теперь преобладали хлеб, картошка и макароны. От сигарет с фильтром он неделю назад отказался и перешел на «Приму». Чтобы сэкономить деньги, по городу он передвигался пешком. Уже приходила идея пойти где-нибудь подработать, но Привалов отогнал эту мысль. Герои северных рассказов Джека Лондона были в гораздо худшем положении, один сумасшедший мороз чего стоил. Здесь, правда, другая проблема: дикая жара и духота.

Вечером первого августа Привалов доедал последнюю картошку. Из запасов у него остались полпачки макарон и щепотка чая. Как известно, убедительнее всех просит желудок. Хотелось чего-нибудь мясного и сладкого. Но хуже всего было то, что оставалась последняя пачка «Примы». Перед ужином Николай застелил стол газетой, и теперь рассеянно пробежал ее глазами. Он наткнулся на заметку об одном из российских олигархов, который за год увеличил свой капитал на пять миллиардов долларов. Привалов раздраженно встал из-за стола и, подойдя к раскрытому окну, нервно затянулся сигаретой. И такой стране он намерен посвятить всю свою жизнь, а если потребуется, то и отдать ее? Впервые Николая посетило сомнение, а верный ли выбор он сделал? Раньше ему и в голову не приходило сомневаться в правильности своего решения. Он был горд, что его выделили среди других, и с радостью дал со-

гласие работать в Службе внешней разведки. И работать не в посольской резидентуре, где собираются в основном блатные ребята, а в качестве разведчика-нелегала. Он будет ежедневно рисковать где-то там, в чужой стране. А здесь, на родине, какая-то шпана будет нагло обирать народ? Покупать себе яхты, футбольные команды... В то время как большинство россиян все больше опускается на дно... Привалов никак не мог успокоиться.

Неожиданно впервые за месяц зазвонил телефон. Николай вздрогнул и поднял трубку.

— Четвертая октава,— сказал незнакомый мужской голос. Короткие гудки ничего нового не добавили.

ВЕЧЕР НА КУРОРТЕ

Воля случая свела нас в уютном курортном местечке на берегу Черного моря. Мы съехались в санаторий в один день, и нас поселили в трехместной палате. И вот лишь только начал оживать сентябрьский вечер, мы дружно сели, предвкушая приятное застолье, организованное по случаю приезда. Две бутылки водки в окружении разнообразных закусок смотрелись не хуже чем в хорошем ресторане, но как-то не очень вязались с интеллигентным видом моих новых знакомых. Один из них — Курганов Василий Иванович — высокий представительный мужчина лет шестидесяти с красивыми умными глазами. Как выяснилось, он окончил консерваторию и всю жизнь преподавал в музыкальном училище. Другой — Лукин Николай Петрович — выглядел совершенно иначе: роста среднего и удивительно подвижный для своих неполных семидесяти лет. Глаза у него были живые, и огонек, который маячил в них, как бы бросал вызов его возрасту. По его словам, он долгое время работал учителем-словесником, затем был директором школы. Для нашей компании больше соответствовало бы хорошее вино, но на столе стояла водка, и Николай Петрович по праву старшего начал разливать ее по стаканам, приговаривая:

— Сегодня выпью и все. Буду принимать мацесту — нельзя. Только потом, в день отъезда...

Тосты шли попеременно с шутками и анекдотами. Мои старики оказались удивительно остроумными, мы шутили, рассказывали анекдоты, смеялись, и казалось, что этому не будет конца. Однако атмосфера безмятежного веселья царила недолго.

После очередного тоста Василий Иванович отпил глоток, поставил недопитый стакан и, неожиданно тяжело вздохнув, сказал:

— Да, мы хоть пожили, а вот что ожидает наших детей и внуков...

— А мы-то что хорошего видели? — возразил Лукин.— Тюрьмы, голод, война, слова лишнего не скажи, нищенское существование — вот и вся наша жизнь. Что там говорить, поиздевались коммунисты над своим народом...

— Что вы такое говорите? — возмутился Курганов.— Посмотрите, что происходит со страной: развалили СССР, подорвали экономику, на окраинах льется кровь, миллионы беженцев...

— Вот это и есть итог правления коммунистов,— решительно рубанул Николай Петрович.— Другого и не могло быть.

— Ну, кинулись сломя голову в капитализм, перешли к рыночным отношениям. И что же? — вопрошал Василий Иванович.

— Сейчас в нашей экономике не рынок, а базар, на котором много воруют. Это не одно и то же. Но все же сделано главное: мы поняли наконец, что если нет частной собственности, то нет и движущей силы, нет перспективы развития ни промышленности, ни сельского хозяйства.

— Знакомая песня. Поздравляю вас, господа, с реставрацией капитализма,— язвительно обратился к нам Курганов.

Я молчал, ожидая услышать аргументы каждой из сторон, а Лукин начал страстно доказывать свою правоту:

— Можно назвать тысячи примеров, подтверждающих, что самое ценное в жизни человека — это его собственность, будь она материальная или интеллектуальная. Да вот хотя бы такой выразительный пример. Почему человек (не имеет значения — мужчина то или женщина) предпочитает растить своих детей, а не чужих (даже если те взяты в младенчестве и не догадываются, кто их истинный родитель)? А потому, что и дети — это своего рода собственность. И человек, растя и воспитывая детей, хочет приумножить не чужую, а свою собственность. На чем держится любое государство? Семья, частная собственность и религия — на этих трех китах. А большевики в семнадцатом году стали разрушать этот фундамент. А что было при Сталине?..

— Да что вы все Сталин да Сталин! — вспыхнул Курганов. — Петром, значит, который «первый», вы все восхищаетесь, а Сталина втоптываете в грязь. А чем, собственно, Петр отличался от Сталина? Да ничем! Также для укрепления экономической мощи государства бросал на смерть десятки тысяч своих подданных. Петербург построен на костях — это всем известно. Но Петра вы превозносите. А как Пушкин писал о Петре? Восторженно! Гениальный Пушкин, чья жизнь есть образец борьбы за свободу, тем не менее восхищался тираном. Есть над чем подумать. Не правда ли? Пушкин, как и Сталин, понимал, что в истории государства наступают моменты, когда без жертв не обойтись.

— Слишком велики жертвы. Если бы Россия после семнадцатого года и дальше шла эволюционным путем, у нее была бы другая история, и мы сейчас жили бы иначе,— Николай Петрович начал заметно нервничать.

— Вы хотите сказать, что до революции народы России были счастливы?

— Все счастливы быть не могут, но основная масса населения жила неплохо.

— Да как же вы можете это утверждать? — Курганов резким движением руки отставил подальше свой недопитый стакан. — Вы же всю свою сознательную жизнь преподавали русскую литературу. О чем писали самые честные, самые талантливые писатели? Вспомните произведения Достоевского, Куприна, Горького... Какова главная мысль их произведений? Российская действительность есть гнусность — вот что они утверждали и против этой гнусности надо бороться...

— Как Родион Раскольников? С топором в руках? Однако что нам говорил Достоевский в назидание? От чего он предостерегал? Великий писатель выступал против бунта, ибо революция — это разрушение государства, да и личности тоже. Достоевский на примере Раскольникова показал нам, что тиран и благодетель рода человеческого в одном лице несоединимы, что избранный им путь спасения униженных и оскорбленных не выдерживает суда совести и не приводит к цели. Вот в чем главная идея романа, — огонек в глазах Лукина стал еще ярче.

— Категорически с вами не согласен. Своим романом «Преступление и наказание» Достоевский утверждает совершенно иное. В буржуазном обществе, говорит он, существуют определенные законы, и, живя по этим законам, большая часть общества крайне несчастна, так как в этом обществе царствуют эксплуатация, нищета, проституция, подлость и так далее. И есть, говорит Достоевский, люди, которые протестуют против этих законов и такой жизни с топором в руках. Другое дело, одни могут «переступить» эти законы с топором в руках, а другие — нет. Больше Достоевский ничего не хотел сказать и не сказал. Поэтому мы и не находим строк, осуждающих поступок Раскольникова.

— Ну как же, а Библия у него под подушкой, когда он был уже на каторге?

— А где вы вычитали, что он упивался чтением ее? Достоевский положил Библию под подушку Раскольникова, судя по всему, из цензурных соображений, и не более того. Достоевский прямо говорит: Раскольниковы — это политическая сила, которая способна уничтожить хозяев этого гнусного общества. И без крови здесь не обойдешься, будут и невинные случайные жертвы — такие, как Лизавета.

— Так что же вы предлагаете? Снова звать Русь к топору?! — возмущенно спросил Лукин, и мне показалось, что он побледнел.

— А что же делать? Или звать народ к топору — или мучиться в этом гнусном государстве, погибать, торговать совестью, телом и при этом ратовать за смирение, к чему призывает, кстати, церковь. Ведь отказ от революционных действий — это и есть смирение. А вы мне говорите: да, мерзкую действительность надо изменять, но мирным путем. Но какая же власть позволит это, наивные вы господа?

— Вы до августа девяносто первого были искренним коммунистом? — спросил Лукин.

— Нет, в отличие от вас в партии я не состоял. А вы, коли работали директором школы, значит, обязательно были в КПСС. Но если раньше я был «розовым», то сейчас, наблюдая, как гибнет Россия, я стал «красным», — отчеканил Василий Иванович и с сожалением добавил. — Вот уж действительно: что имеем — не храним, потерявши — плачем.

— Василий Иваныч, ну как же вы так ничего и не поняли. И не увидели, что российская действительность была, выражаясь вашим языком, гнусностью именно в годы Советской власти. Вы же, я уверен, читали Солженицына, Шаламова, Дудинцева, других, кто писал правду, — и неужели все это прошло мимо вашего сознания? Да, в конце концов, вы прожили целую жизнь. Я не знаю, надо быть... — Лукин запнулся, с трудом подбирая слова помягче, — удивительно слепым, глухим, чтобы ничего не видеть и не слышать...

Дискуссия подошла к опасной черте, за которой ее участники могли потерять контроль над собой. Чтобы немного остудить своих стариков, я включил телевизор и предложил посмотреть «Вести». Однако на экране мы увидели президента России Ельцина Б. Н., который объявил, что своим Указом он распустил Верховный Совет. Схватка стариков продолжилась с еще большим ожесточением, но меня уже интересовало другое.

Я вышел на балкон, где курил одну за другой сигареты, размышляя о судьбе своего Отечества. Время от времени я всматривался в море, берег которого был от меня в двухстах метрах. Из-за темноты я не видел, что в нем происходит. Порывистый ветер, нарастающий шум, отчаянные удары волн о берег — все говорило о том, что начинается шторм.

Валентин Огнев
(г. Щекино)

ЕФРЕМОВСКИЕ КУПЦЫ МЯСИЩЕВЫ

Наш постоянный автор.

Город Ефремов до 20-х годов 20 века был уездным купеческим городом. По улице Свердлова, дом 10 расположено старинное полукаменное строение. Это не единичное сохранившееся в городе типичное здание построек 19 — начало 20 века.

В середине 19 века получили распространение полукаменные дома. Цокольный этаж или первый этаж такого дома строился из камня, а верхний этаж из дерева. Принадлежали они купцам, богатым мещанам. Всегда жилые помещения для хозяйской семьи располагались на верхнем деревянном этаже. Снизу в каменных стенах у купцов были лавки и склады. Поэтому сразу же строилось два этажа. Применение камня вместе с деревом — это не просто архитектурное решение. Сочетание этажей выбирали по ряду причин:

— В городах часто вспыхивали пожары, а в каменном здании можно было сохранить запасы, в том числе товары.

— Нижние венцы любого деревянного дома портились с годами из-за близости с землей. Камень внизу делал дом крепче, надежнее.

— Приобретение обработанного камня или даже кирпича могли позволить себе только состоятельные люди, поэтому полукаменный дом указывал на статус своего хозяина.

— Жилые же комнаты в деревянных стенах в отдалении от земли были более теплыми и уютными.

— Чтобы построить полностью каменный дом, нужны были суммы, которые не являлись доступными для купцов средней руки или зажиточных горожан.

Историки не исключают тот факт, что в то время это было просто модно в определенных кругах.

С 70-х годов 19 века вышеуказанное здание принадлежало купцам Мясичевым. Что нам известно об этих купцах?

На многих сайтах нашего необъятного интернета написаны статьи о Владимире Михайловиче Мясичеве, известном авиаконструкторе. В большинстве случаев они начинаются предложением: «Род Мясичевых корнями врос в землю самой что ни на есть средней России». А через несколько предложений начинается описание рода. Описание ведется от деда Михаила Григорьевича, более глубокие колена древа не приводятся. Далее в статьях рассказывается об отдельных фактах жизнедеятельности купцов Мясичевых в городе Ефремов. Аналогично об этом повествуют ефремовские современные краеведы, говоря о ефремовских корнях рода Мясичевых, аналогично рассказывается история купцов Мясичевых и на различных мероприятиях. Но эти рассказы более похожи на художественное произведение, за основу которого взяты отдельные факты из истории купцов Мясичевых. Какого-либо документального ис-

следования ефремовского периода жизни купцов Мясичевых и откуда они прибыли не проводилось. Попробуем это сделать.

Заранее хочется сказать, что было проведено краткое исследование документов генеалогического характера и других архивных источников о купцах Мясичевых. И это краткое изучение документов уже говорит о фактах, которые не указываются в рассказах. О результатах опишем в ходе исследования.

Почему же о купцах Мясичевых ведется описание от Михаила Григорьевича? Почему никто из ефремовцев не задумывается, откуда же род Мясичевых? В ходе просмотра ревизских сказок купцов Ефремовского уезда за 1858 и 1850 годы, семейства Мясичевых в этих списках не обнаружены. Дополнительно были исследованы ревизские сказки купцов 1795 года, где также фамилия Мясичевых по Ефремову не выявлена. Для более точного подтверждения отсутствия фамилии Мясичевых среди ефремовских купцов в указанный период были изучены ревизские сказки мещан города Ефремова. Но и в них фамилия Мясичевы не фигурирует. Проверка мещан сделана для того, что по законодательству если купец не мог объявить капитал на следующий год, то его переводили в мещанство. Таким образом мы видим, что в интересующих нас сословиях Ефремовского уезда Мясичевы в первой половине 19 века отсутствуют. Тогда откуда же они появились в городе Ефремове?

Ежегодно купцы были обязаны возобновлять сословные свидетельства. Об этом в конце текущего года они подавали соответствующие документы в Городскую Управу. Список купцов города направлялся в Тульскую Казенную палату. В перечне указывались и члены семьи, включенные и не включенные в гильдейское свидетельство. Поэтому была изучена именная ведомость Ефремовской Городской Управы о купцах города Ефремов как о состоящих в 1879 году, так объявленных и необъявленных по Ефремовскому 2 гильдии капиталов на 1880 год. В списках за № 47 (на 1880 год за № 48) значится Мясичев Михаил Григорьевич, 33 лет. У него жена Агафья Васильевна, сын Михаил 4-х лет (на 1880 год — 5 лет). В списках указана мать Михаила Григорьевича — Аксинья Николаевна. Капитал на 1880 год он объявлял 29 декабря 1879 года и имеется пометка «с 1871 г. из Новосильских купцов». Пометка означает, что Мясичев Михаил Григорьевич получил Ефремовское гильдейское свидетельство в 1871 году из Новосильских купцов. Для подтверждения новосильских корней Мясичевых изучались именные ведомости о купцах и их семействах 1867—1868 и 1857—1858 годов. Мясичевы значатся по спискам Новосильского уезда, а в списках Ефремовского уезда отсутствуют. Значатся Мясичевы в списках кандидатов Новосильской городской думы на выборы купечества в должности по городу на 1834 год. Указаны Мясичевы по Новосильскому уезду и в ревизских сказках 1834 и 1795 годов. Поэтому мы можем говорить, что числиться в купцах по городу Ефремов Мясичев Михаил Григорьевич стал с 1871 года.

Как ранее указывалось, родословная описывается и рассказывается от деда В. М. Мясичева — Михаила Григорьевича. Обозначается, что «Михаил Григорьевич был женат на вдове Агафье Васильевне, урожденной Киндяковой. Пятнадцать лет брак оставался бездетным. Чего только не делала Агафья Васильевна — и травы заговорные пила, и на богомолье ходила, и советы знахарок выполняла. Так или иначе, в 1873 году в семье Мясичевых появился долгожданный ребенок — сын, нареченный Михаилом».

Агафья Васильевна, урожденная Киндякова,— это все, что известно из рассказов. Но не секрет, что в городе Ефремов проживало семейство купцов 3-й гильдии и семейство мещан Киндяковых. При просмотре ревизских сказок купцов города Ефремов за № 41 значится «ревизская сказка тысяча восемьсот пятидесятого года августа третьего дня Тульской губернии города Ефремова 3 Гильдии купца Василья Петрова

Киндякова о состоящих мужского и женского пола душах». По документу глава семейства Петр Степанович Киндяков умер в 1843 году, но на лицо значатся 7 человек мужского пола и 9 — женского. В семье Никифора — младшего сына Петра Степановича, 4 сына и дочь. А в семье старшего сына Василия 5 дочерей и 1 сын. Среди дочерей значится Агафья, 14 лет. Точную дату рождения Агафьи по просмотренным документам установить не представляется возможным, т. к. метрические книги Ефремовского уезда 1834—1838 годов в ГУ ГАТО отсутствуют. В 1855 году в ноябре месяце (запись № 10 в метрической книге о бракосочетавшихся Соборной Троицкой церкви г. Ефремов) девица Агафья, дочь Ефремовского купца Василия Петровича Киндякова, 19 лет, обвенчалась с Ефремовским купеческим сыном Григорием Николаевичем Трусовым 34 лет, первым браком, сыном вдовы Ефремовской купчихи Ульяны Григорьевны Трусовой.

По материалам ревизских сказок 1858 года Агафья Васильевна проживала с мужем в семье купчихи Трусовой, т. е. по месту жительства мужа. Но в 1864 году, согласно исповедальной ведомости Соборной Троицкой церкви города Ефремова, она с мужем проживает отдельной семьей. Детей они не имели.

Возникает вопрос: «Когда же вышла замуж Агафья Васильевна за Мясичева Михаила Григорьевича, чтобы проживать с ним бездетно 15 лет и в 1873 году родить единственного ребенка?». Исходя уже из выше приведенных результатов исследования, по всем канонам такого не может быть. Это подтверждает дальнейшее исследование, меняет историю рождения детей в семье Мясичевых — Михаила Григорьевича и Агафьи Васильевны.

При просмотре метрической книги за 1873 год о родившихся Тульской Духовной Консистории города Ефремова Соборной Троицкой церкви факт рождения Мясичева Михаила не зафиксирован. Почему Соборная Троицкая церковь? Район местожительства Мясичевых относился к приходу Троицкой церкви. Для установления года рождения и других дат в ходе поисков просматриваются метрические книги на несколько лет назад и вперед. Так было сделано и в этом случае. Просматривая метрическую книгу за 1872 год Соборной Троицкой церкви города Ефремов, встречаем три новых факта, зафиксированных в архивных документах, которые касаются семьи Михаила Григорьевича.

Первый факт: в метрической книге о родившихся Соборной Троицкой церкви города Ефремова имеется запись № 5 мужского пола. В ней указано, что 23 февраля 1872 года родился Иоанн. Родителями являлись Ефремовский купец Михаил Григорьевич Мясичев и законная жена его Агафья Васильевна, оба православные. Иоанн крещен 24 февраля 1872 года причтом Троицкой церкви. Восприемниками являлись Ефремовский купеческий сын Михаил Владимиров Шилов и купеческого сына Кирилла Васильевича Киндякова дочь девица Варвара.

Второй факт: т.к. в последующих документах Иоанн не упоминается, возникло предположение, что он умер. В 18 веке очень часто дети умирали в младенчестве. Поэтому была просмотрена часть 3-я о смерти метрической книги за 1872 год Троицкой церкви города Ефремова. Здесь мы встречаем запись № 30 мужского пола. В ней указано, что у Ефремовского купца Михаила Григорьевича Мясичева умер сын Иоанн возрастом 9 месяцев от скарлатины. Погребен 15 ноября 1872 года на городском кладбище.

Третий факт: на этой же странице метрической книги имеется запись № 35 женского пола. В ней сказано, что у Ефремовского купца Михаила Григорьевича Мясичева 20 ноября 1872 года умерла дочь Александра, 2 лет, от скарлатины. Погребена она была 22 ноября 1872 года на городском кладбище. По записям метрической книги о смерти в ноябре 1872 года умершими значатся в основном дети. Причина смерти детей — скарлатина.

С целью установления даты рождения Александры была изучена метрическая книга 1870 года Соборной Троицкой церкви города Ефремова. В части записей о рожденных сохранились первые 4 записи с 4-го по 7-е января 1870 года. Александра в них не значится. Но запись о смерти дочери Мясичевых Александры свидетельствует, что в браке Михаила Григорьевича и Агафьи Васильевны первым ребенком была дочь, которая прожила только 2 года и умерла от скарлатины.

Подводя итоги небольшого исследования за период 1870—1873 годов, становится известно, что у Михаила Григорьевича и Агафьи Васильевны Мясичевых родились два ребенка: Александра, 1870 г. р. и Иван, 1872 г. р. Когда же родился Михаил?

Были исследованы метрические книги о рожденных Соборной Троицкой церкви города Ефремов за 1874—1875 годы. В метрической книге за 1874 год записи о рождении детей в семье Мясичевых не зафиксированы. В метрической книге за 1875 год имеется запись № 18 мужского пола. В ней говорится, что 7 марта 1875 года родился ребенок по имени Михаил. Родители ребенка Ефремовский купец Михаил Григорьевич Мясичев и законная жена его Агафья Васильевна, оба православные. Михаил крещен 8 марта 1875 года причтом Троицкой церкви. Восприемниками являлись Ефремовский купец Матвей Николаевич Трусов и купца Василия Александровича Вавилова жена Евдокия Васильевна. В левом углу записи имеется отметка: «спр 16/XI-26 и подпись». Данная отметка говорит о том, что выдавалась справка 16 ноября 1926 года для оформления документа личности.

Запись № 5 мужского пола в метрической книге о рожденных Соборной Троицкой церкви города Ефремов за 1875 год зафиксировала, что Мясичев Михаил Михайлович родился в 1875 году, а не в 1873 году, как это расписано в публикациях. Факт рождения Михаила Михайловича в 1975 году подтверждается и метрической справкой, выданной Тульской духовной консисторией от 18 февраля 1916 года. Документ выдавался для бракоразводного процесса с женой. В справке записано, «что по метрическим книгам церкви села Супонева, Богородицкого уезда, за тысяча девятьсот первый /1901/ год в числе бракосочетавшихся, записью под № 27, значится так: Ноября второго /2/ дня жених Тульской губернии города Ефремова 2-й гильдии Михаила Григорьева Мясичева сын Михаил Михайлов, 26 л, православный, повенчан первым браком с невестою дочь местечка Щебрешин Люблинской губернии Замостного уезда, аптекаря дворянина Евгения Дудкевич, Нина Евгениева, 19 л, православная, первым браком, священником Алексеем Глаголевым с псаломщиком Петром Лебедевым». На момент венчания в 1901 году Михаилу Михайловичу Мясичеву было 26 лет, и это говорит, что он родился в 1875 году.

Таким образом, Михаил был не долгожданным ребенком в семье, а единственным из оставшихся в живых детей Михаила Григорьевича и Агафьи Васильевны. По изученным документам стало известно, что в семье родились 3 ребенка, двое из которых умерли в детстве. Михаил был младшим ребенком. Это говорит о том, что первый муж Агафьи Васильевны умер после 1864 года и второй раз замуж она вышла до 1870 года. Агафья Васильевна не проживала со вторым мужем Мясичевым бездетно 15 лет, т.к. первый ребенок у них появился в 1870 году.

А вот в семье Михаила Михайловича первым ребенком был Владимир, ставший известным авиаконструктором. Имеется запись № 34 мужского пола в метрической книге о рождении 1902 года Троицкой церкви города Ефремова Тульской губернии. В ней указано, что Владимир родился 15 сентября 1902 года. Родители: Ефремовский купеческий сын Михаил Михайлович Мясичев и законная жена его Нина Евгеньевна, оба православные. Крещен 19 сентября 1902 года причтом Троицкой церкви: протоирей Алексей Гастев и псаломщик Рафаил Попов. Восприемники: Ефремовский купеческий сын Василий Васильев Вавилов и Ефремовская купчиха Агафия Васильева Мясичева.

Из рассказов известно, что родители Владимира Михаила Михайлович и Нина Евгеньевна обвенчались тайно, так как их родители не давали благословения на этот брак. Первоначально они проживали в Москве. И когда недоразумения в семьях улеглись, они вернулись в город Ефремов.

Михаил Григорьевич Мясичев был одним из уважаемых купцов города Ефремова. В 1888—1891 годах он избирался гласным городской думы. В 1915 и 1916 годах гласным городской думы избирался его сын Михаил Михайлович.

В публикациях указывается, что «дед Володи Мясичева — Михаил Григорьевич держал гастрономический магазин на самой фешенебельной улице города — Московской». В адрес-календаре Тульской губернии 1905 года опубликован список торгово-промышленных предприятий по Тульской губернии. В этом списке указано, что в городе Ефремов на ул. Большая колониальными товарами осуществлял торговлю Мясичев Михаил Григорьевич. К колониальным относились товары, ввозимые из других частей света (кофе, сахар, чай, пряности, москательные продукты, рис, хлопок, краски, некоторые продукты дерева, служащие для поделок, и т. д.).

В центре Михаил Михайлович Мясичев, слева Нина Евгеньевна, трое их малолетних детей и родственники семьи.

В списках купцов, включенных и не включенных Городской Управы города Ефремов за 1906—1907 годы, значится и семья Мясичева Михаила Григорьевича, которому 64 года. В список семьи включены: его жена Агафья Васильевна, сын Михаил, 30 лет, жена сына Нина Евгеньевна, внуки: Владимир, 2 лет, Георгий, 1 года. В списках значится и мать Михаила Григорьевича — Акинья Николаевна, с пометкой: умерла в 1906 году. В списки 1907 года она не включена. Документы для продолжения сословных свидетельств на 1907 год Михаил Григорьевич подавал 30 декабря 1906 года, предъявлял свидетельство от 1871 года. В этих же документах указан и второй ребенок Михаила Михайловича. Ребенок назван Георгием. Но во многих печатных изданиях он пишется под именем Юрий. Здесь нет никакой ошибки. Юрий — славянская форма греческого имени Георгий. Младшим ребенком в семье был Евгений. После рождения Георгия в семье появился третий ребенок — Евгений.

Нина (Янина) Евгеньевна Мясичева повстречала чиновника Толпыго и стала с ним в Туле проживать гражданским браком. В отдельных публикациях пишут, что

Нина Евгеньевна была женщиной решительной, развелась с мужем и стала женой Толпыго. Но архивные документы свидетельствуют о другом. Прошение в Тульскую Духовную Консисторию о расторжении брака подал 29 февраля 1916 года Михаил Михайлович Мясичев. В прошении он указывает, что в настоящее время, около года тому назад, жена прекратила совместную жизнь и вступила в прелюбодейную связь с посторонним мужчиною, с которым и живет по настоящее время гражданским браком. В виду сего, считая, что жена его нарушила святость брака прелюбодеянием, он просит Тульскую Духовную Консисторию о допросе свидетелей: «брак мой, совершенный 2-го ноября 1901 года, и записанный в метрические книги церкви села Супонева Богородицкого уезда Тульской губернии, расторгнуть по прелюбодеянию жены моей Янины Евгеньевны». На момент подачи заявления проживала Янина Евгеньевна в г. Тула по ул. Киевской, дом Городского Полицейского Управления.

В ходе рассмотрения дела (судоговорения) Янина Евгеньевна виновной себя в прелюбодеянии признала, с мужем помириться не пожелала. Во время дачи показаний участники процесса не пожелали назвать данные мужчины, с кем в гражданском браке стала проживать Янина Евгеньевна. Янина Евгеньевна также отказалась указать лицо, с кем она сожительствовала.

По Указу его Императорского Величества Самодержца Всероссийского от 17 ноября 1916 года за № 15111 брак Ефремовского купца Михаила Михайловича Мясичева с его женою Ниной Евгеньевной расторгнут. Михаилу Михайловичу было разрешено вступать в новый брак, а Нине Евгеньевне вступать в новый брак разрешалось по отбытии возложенной на нее семилетней церковной эпитимии.

Но наказания Нина Евгеньевна избежала. Она принимает католическое вероисповедание, и в связи с этим священник Петропавловской церкви г. Тулы по месту жительства не мог осуществлять за ней надлежащий надзор. Нина Евгеньевна вышла замуж за своего сожителя. Дети Мясичевых периодически проживали то у матери в Туле, то у отца в Ефремове.

После событий 1917 года предпринимательская деятельность Мясичевых прекратилась, но их потомок стал одним из известнейших авиаконструкторов России.

По материалам Государственного архива Тульской области.

Фотография — МБУК «Ефремовский районный художественно-краеведческий музей».

